

Николай АЛЕКСАНДРОВ

ЗОЛОТОЙ ОГОНЬ САЛАИРА

П о в е с т ь

Предисловие

Капля проснулась от стремительного полета. Она и еще несколько капель выпали из тяжелой тучи и понеслись что есть мочи вниз. Ее подруги смеялись и визжали от восторга, а Капле было не до смеха, она просто умирала от страха.

— Прощай, мама! — кричали капли, обращаясь к туче. — Здравствуй, жизнь! — кричали они стремительно приближающейся земле.

Скоро Капля со всего маху шлепнулась о березовый лист. Первый, второй и еще десятки ударов, а потом она оказалась на Цветке.

— Доброе утро, — сказал Цветок.

— Какое же оно доброе, если у меня болят бока и я вымазалась какой-то пылью!

— Это не пыль, это пыльца.

— Экая гадость! — Капля попыталась стряхнуть с себя золотые песчинки.

Вдруг Цветок нагнул голову, она сорвалась с белых лепестков и упала на землю. А на земле кругом мусор. Капля осмотрела себя: она была грязной, такой грязной, что даже золотой пыльцы не видать.

Только Капля поспешила прочь от всего этого кошмара, как кто-то вдруг наступил на нее и вдавил в придорожную грязь.

— Да что же это такое! — рассердилась Капля, плюнула вслед и бросилась наутек, только бы подальше от тучи, Цветка и тех, кто не смотрит себе под ноги.

На пути появилось озеро, а в нем миллионы таких же капель. Они плескались, играли с солнечными лучами и все были чистыми. И когда увидели грязную Каплю, позвали ее к себе.

Капля шагнула в озеро, капельки-подруги тут же обступили ее и начали мыть.

— А-а! — завопила Капля. — Мне больно! Идите прочь!

Она вырвалась на берег, с еще большей обидой помчалась куда глаза глядят и не заметила, как налетела на Гусеницу.

— О! Какая красивая капелька! — удивилась Гусеница и лизнула ее своим длинным и шершавым языком.

— Что ты творишь, гадина?! — возмутилась Капля и помчалась дальше.

После ей повстречался Комар. Он долго летал над нею, и Капля даже подумала, что тот влюбился в нее. Но Комар вдруг вонзил ей в бок свой острый нос и напился.

От неожиданности Капля упала без чувств, а когда очнулась, увидела над собой чудесную Бабочку. Бабочка глядела на Каплю, как в зеркало. Потом шепнула: «Какая я все-таки красивая!» — и улетела.

— Какая ты дура! — крикнула ей вслед Капля и вдруг обнаружила перед собой глубокую яму. — Вот где я спрячусь ото всех! — обрадовалась она и полетела с обрыва вниз.

Капля летела долго, потом катилась по какому-то каменному склону и неожиданно оказалась на потолке огромной пещеры. Невидимые капли, покрывавшие ее свод, шептались и спрашивали друг друга:

— Кто следующий в вечность?

И какая-нибудь из них стекала вниз по огромной каменной сосульке, повисала на кончике, и все ждали, когда она окаменеет.

— Я следующая! — закричала изо всех сил Капля.

И, не ожидая согласия, потекла по каменной сосульке, притормозила на самом хвостике и через пару веков окаменела. Она стала вечностью, но ни ее истории, ни ее дел, ни ее красоты никто не помнил. Красота в темноте не видна.

Рябой прапорщик

(Ноябрь 1919 года)

В конце осени, когда только выпавший снег на дорогах укатало плотным настом, а лога накрыло холодным саваном, через Елшанку потянулись отступающие колчаковцы. Первый отряд был мал: все офицеры разместились в большом доме купца Снадина, а солдаты в двух соседних избах.

Белогвардейцы вошли в село тихо, но по-хозяйски. Непуганым жителям все казалось вновь, и они высыпали на улицу, встречая непрошенных гостей. Мужики толпились вместе со старостой по одну сторону дороги, а бабы по иную. Офицеры, не спешиваясь, сдержанно переговаривались, солдаты рассматривали деревенский люд в ожидании приказа. Один из отряда — рябой прапорщик, злой и раздражительный, — сразу заприметил Ксению, местную девицу ослепительной красоты, — она стояла в толпе любопытствующих баб.

Доброжелательное настроение сельчан изменилось, когда колчаковцы пошли по домам «реквизировать» продукты. Они запросто входили, бесцеремонно обыскивали дом, брали что хотели, а на вопросы хозяев отвечали, мол, по закону военного времени, еще наживете, а нам, защитникам Отечества, сейчас продукты поважнее будут. Кто протестовал, получал либо зуботычину, либо прилюдную порку прямо во дворе.

Особенно пострадали соседи Ксении, зажиточная и трудолюбивая семья по фамилии Косые. У них колчаковцы забили бычка и двух овец, освеживали и туши спрятали в розвальнях. Один из двух братьев считался в деревне женихом Ксении — крепкий и очень сильный Андрюша. Но Ксения на его предложения отвечала резким отказом и обидным аргументом: «Это что же, женишок, я после свадьбы Косой буду зваться?» — и смеялась ему в лицо. Андрюша обижался, но терпел. И знала бы Ксения, что именно Андрюша спасет ее от рябого прапорщика.

Встретив девушку у ворот, колчаковец приказал собираться и ехать вместе с ним.

— С чего это? — по привычке дерзко ответила своенравная Ксения.

— Полюбила ты мне, — как приговор, объявил прапорщик.

— А ты себя в зеркало видел? — хохотнула Ксения.

— Артачиться будешь, пристрелю, сука! — коротко пригрозил рябой.

По глазам Ксения поняла — пристрелить может, но характер брал свое.

— Видели мы таких стреляльщиков, и рябых, и ниче себе с виду, здоровых.

Прапорщик ударил ее вскользь, будто пощечиной, но с такой силой, что Ксения упала в снег. Увидел это Андрюша, понял, что с девкой беда, и затеял драку с братом у себя во дворе. И так они орали друг на друга, так бились нешуточно, что все колчаковцы, бывшие на улице, кинулись смотреть мордобой. Не утерпел и рябой прапорщик. А пока он глазел на дерущихся, а потом выяснял что к чему, Ксения шмыгнула в избу к бабке Ангелине Федоровне, которая умирала уже скоро год, но умереть никак не могла. Чудная была бабка, но добрая.

Посреди горницы на табуретах стоял гроб, а в нем лежала Ангелина Федоровна. Лежала давно и просила Господа забрать ее душу грешную в Царствие Небесное.

— Бабушка Ангелина, — взмолилась Ксения, — спрячь меня, роденькая, а не то увезут меня и ссильничают!

Бабка поняла все сразу, буквально выпрыгнула из гроба.

— Лягай на мое место!

— Нет, бабушка, в гробу меня сразу найдут!

И тут старая сообразила, открыла ларь у стены, а там — остатки пшеницы.

— Лезь в ларь, девка, а я тебя пшеницей засыплю!

Кстати сказать, у стены мешок с пшеницей стоял. Спряталась Ксения в ларь, бабка на нее прежде всякой одежды навалила, а потом лихо мешок с пшеницей подняла, будто молодка игривая, и поверх высыпала, а после уже крышку ларя прикрыла. А сама опять в гроб улеглась, лежит в подушках, свечи в изголовье потрескивают, а она читает молитвослов и крестится.

Влетает в избу рябой прапорщик. Увидел бабку в гробу, заорал от неожиданности. А та из гроба приподнялась:

— Чего орешь? Чего надо?

Совсем оторопел прапорщик. Потом пришел немного в ум и спрашивает:

— К тебе девка заскочила? Где она?! — а сам избу оглядывает. А что там смотреть: стол, печь пустая, ларь у стены и гроб посередь горницы.

— Окромя меня, здесь иных девок нету. Изыди, сатана, не видишь — помираю, не мешай душе моей скорбной найти дорогу в Царствие Небесное, — сказала спокойно бабка Ангелина, поправила чепец на голове, улеглась на подушечку и запричитала молитву: — Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоей Ангелины, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. — Опять повернулась к прапорщику: — Ты уйдешь, сукин сын, али огрею тебя кочергой и с собой заберу?!

Сел прапорщик на ларь, потому как больше не на что, табуреты и те под гробом стоят, а сам думает, где девка спрятаться могла. А Ангелина Федоровна в раж раздражения вошла и орет:

— Ты уйдешь от меня, идол сатанинский, парша гнидина?!

Уцепилась она за края гроба, вроде как силится встать. И видит прапорщик на ее руке палец с кривым ногтем. Подскочил, в ларь глянул — а там пшеницы с верхом, и от греха подальше скоро ушел прочь.

Так и спаслась Ксения от замужества с рябым прапорщиком. А Андрюшу с братом колчаковцы с собой взяли, чтобы те их в Болотное везли на своих же санях. Вернулись братья через несколько дней и в партизаны подались. Так сгинул жених Ксении. Люди говорят, что убили Андрюшу.

Прошел с того чудного случая месяц. Бабка Ангелина счастливо умерла, как хотела, во сне. Весь месяц текли через Елшанку и другие сибирские села обозы отступающей армии адмирала Колчака. Жители научились прятать продукты, фураж и угонять на заимки лошадей. Жизнь жилась тревожно.

Ояшинская трагедия

(15 декабря 1919 года)

К декабрю отряды красных уже сломали белых и стремительно продвигались по Транссибу. С приближением Красной армии активизировались партизаны, которые если не рельсы разберут, то вместо угля в бункер паровоза снег засыпят или из-за угла пальнут. А то и диверсию устроят. Белочехи отправили на помощь колчаковцам в Новониколаевск состав бойцов, но между станциями Чахлово и Чебула партизаны пустили состав под откос, — погибло много людей, но больше осталось увечных. Пришлось хоронить в одной братской могиле и погибших, и тяжелораненых, пристреленных своими же солдатами. Злоба росла, накалялась. Но как ни бились белые, 14 декабря 1919 года пришлось им покинуть Новониколаевск и пятиться на восток.

Теплый декабрь сыпал крупными хлопьями, покрывая округу ослепительно-белым шелком легкого снега. Оттепель гуляла по кривым улицам и унылым крышам сельских домов и сараев, стекала по голым веточкам берез весенней капелью, а под соснами ведьмиными кругами проявилась опаленная солнцем трава. Ветерок не обжигал ледяной стужей, а только освежал уставшие лица. Природа жила своей жизнью, будто не замечая, что идет война.

В тот день карательный отряд колчаковцев разместился в селе Ояш на короткий отдых. Именно от Ояша расходилась древняя сибирская тропа, ветки которой шли через Карасево, Зудово и Большечерное в Томск, по Сибирскому тракту через Елбак, Турнаево, Елшанку в Болотное и по железной дороге через Чахлово и Чебулу до самого Владивостока.

Ояш — село большое, многие работали и на строительстве «чугунки», а после там же путейцами. По ней же приходили все новости. Прежде о войне с немцами, потом об отречении царя и о Временном правительстве, скоро и о большевиках. А колчаковцы пришли сами, без новостей. Досужие старики ворчали, мол, не было бы «чугунки», глядишь, и без горя пожилы бы. Но без горя среди людей жить трудно, а без людей и вовсе жизни нет.

В избе, приспособленной под тюрьму, колчаковцы собрали местных партизан из отряда Уткина. Потом еще купец Ипполит Рындин сдал всех сельчан, которые к большевикам склонность имели. Душ пятнадцать собрали, да поняли, что самим пора бежать, пока красные не настигли. И уже на закате вывели на берег реки арестованных, поставили на восток лицом и пальнули в спины. Упали разом, да один стоит, еще раз стрельнули, а он не шелохнется. Тогда поручик Алексей Левашов, обладавший небывалой силой удара, подъехал на лошади и секанул саблей по его шее. И ведь отсек голову, упала та на грудь и повисла на коже. А партизан стоит. Отер поручик саблю о плечо убитого, уперся в его спину острием и толкнул. Только тогда и рухнул мужик.

— Добить шашками, — приказал полковник Потапов, и пошла рубка. Секли всех подряд, а тут новый приказ: — Засыпьте снегом!

А снега-то чуть-чуть насыпало, да небо вычистило, будто от страха все облака разбежались. Висит одна луна на небе, круглая, бледная и немая. Посыпали сверху на казненных сколько собрали снега, а сквозь снег кровь проступает. Опять сыплют, а она все равно наружу лезет.

— По коням! — приказал полковник, и вот карательный отряд уже нагнал главный обоз, и потянулись все молча в неизвестность. Кругом Сибирь, белая, холодная, поля круглые, колки пустые, только ельник местами чернеет, тоску наводит. Едет отряд, ползет по снегу, а луна яркая, и от света ее тени тех убитых на дороге ложатся.

Иван Николаевич Шелковников упал вместе со всеми, хотя пуля прошла мимо. Он лежал среди мертвых и видел, как расправлялись с остолбенелым партизаном из уткинского отряда, огромным и непокорным мужиком, как смахнул с него голову белый офицер. Но Шелковников не дрогнул от ужаса, а лежал чуть дыша, будто мертвый. Потом колчаковцы начали добивать расстрелянных. К нему тоже подошел солдат и ударил шашкой по голове, но он вытерпел боль и не показал, что жив, а уже после второго удара потерял сознание.

Он очнулся, когда услышал шум удаляющихся всадников, а потом уже вылез из-под снега. Сел, пощупал голову, и первая мысль: «Не треснула!» Спас войлок, который сибиряк подшил в шапку для тепла. В лютую зиму пригодилась, а теперь получилось, что и жизнь ему спасла эта хитрая подкладка.

Шелковников разгребал снег над убитыми одной рукой, второй придерживал голову, которая норовила упасть на плечо. Живых больше не было.

Идти в село Иван Николаевич побоялся и шагнул по старой дороге к эстонским хуторам, там жили друзья. Восемь верст он шагал всю ночь, часто садился на валежник, ел снег. Голова кружилась, боялся потерять сознание. Но Бог милостив, в Эстонке его приняли и помогли по свету доехать до Болотного, которое уже заняли красноармейцы. Так люди узнали о зверстве карательного отряда под командованием полковника Потапова.

Встреча

(16 декабря 1919 года)

Левашов ехал, чуть покачиваясь в седле. Под шинелью у него телогрейка из тонкой овечьей шкуры — купил у ояшинского крестьянина за десять рублей и не жалеет теперь. Шарф, плотный и сухой, как небритый подбородок, защищал шею, грел, будто печь в доме. Да только печаль на душе осталась от того стойкого партизана, и не просто осталась, а томилась в груди, будто в костре огоньком тлела, и не давала задремать. Понимал Алексей, что не нужна была ему в зачет эта еще одна жизнь. Пятнадцать человек извели. Понятно, что красные, но ведь люди! — терзался думами поручик. У кого-то жены теперь одиноки, у кого-то дети теперь сироты. Да и баба среди партизан была, и ту не пожалели. Зачем? Что изменят эти убитые в проигранной борьбе с красными? Ничего, только ненависти прибавят к ним, к тем, кто два года защищает Отечество. От кого защищает? От этих крестьян и рабочих? Что же им там, намазано в этой «красной» жизни? Почему вдруг взялись за оружие против власти? Много вопросов, а ответов нет.

Алексей вынул платок, уже не белый, а одичавший в кармане шинели, потемневший от пыли и просыпанного пороха. Вынул из ножен саблю, и та сверкнула белой сталью. Белой и мертвой, будто не из железа, а из кости кована. Протер лезвие платком, зачем-то посмотрел на тряпку и подумал: сколько же его сабля за эти годы выпила человеческой крови, сколько душ нанизала, как баранки, на свое лезвие?

Он бросил платок под ноги лошади, вернул саблю в ножны и попытался задремать, думать больше не было сил.

Карасево проехали молча. Село вымерло, даже собаки попрятались, будто от волков. И вот этот холод от теплых, дымлевых и нагретых изб особенно ощущался сейчас в ночи и под палящей мертвым светом луной.

Отряд колчаковцев шел всю ночь, от Ояша через Елбак и Турнаево, на рассвете его путь пролегал через село Елшанку. Петухи уже сорвали голоса, а край неба зажегся багрянцем, когда первые конники ступили по центральной улице села, а сани заскрипели натруженными полозьями. Над избами клубился теплый дым, сдобренный хлебным духом и наваристым борщом. Но, заслышав шум на дороге, крестьяне потушили лампы и притаились за вышивными занавесками, молясь

и причитая, чтобы минуло лихо и никому в голову не пришло заглянуть в дом с какой нуждой или просьбой. Отказать вооруженным людям считалось плохой приметой.

Только молодая девушка, Ксения, дочь местного кожемяки, мастера обувку шить, вышла на пруд за водой — мать послала. И, уже обернувшись, с полными ведрами, увидела всадников, а потом и ряд розвальней, плывущих по селу плотной вереницей. Отряд шел угрюмо, устало, а оттого и безразлично, хотя всякий проезжающий мимо помечал, что девка добрая, красивая и стоит бодро и прямо под коромыслом с двумя бадьями, полными воды. Каждый думал или вспоминал свое: кто про дочку, кто про жену, а кто про не встретившуюся еще любовь.

А Ксения и впрямь была девицей редкой красоты. Круглолица, но с легким овалом, высокий лоб, пухловатые, ярко очерченные губы и румяные щеки, будто от стеснения прихваченные зарею, несколько кокетливых веснушек выдавали деревенское происхождение, нос скромный, кругленький. Но главная красота скрывалась в голубых глазах, и голубизна та была беззастенчива, с бирюзовым отливом по краю зрачков и искоркой то ли озорства, то ли печали. Глаза сияли и жили, обнаруживая быстрый и острый ум, веселый и отзывчивый, но решительный характер. И вся она словно светилась добрым нравом, задором в широкой улыбке, силой в стане и открытым взглядом, ясным и бесхитростным, будто живет и замечать не хочет горя на земле.

Неожиданно около Ксении остановился всадник — молодой поручик Левашов. Дремоту с него как рукой сняло, когда увидел красавицу.

— Здравствуй, девица!

Ксения отступила назад, аж холод прошел по спине от страха.

— Проезжай куда ехал! — отчаянно и зло ответила она.

— А что недобро так? А испить водицы не дашь?

— Еще чего! У нас кони после чужих не пьют.

Алексей спешился, накинул уздечку на плетень и подступил к девице, а тут слышит, закричал кто-то из проезжающих бойцов:

— Алексей Павлович! Забирай, девка что надо!

И вдруг он прильнул к ведру, сделал несколько ледяных глотков, утер тонкие усы и спросил:

— Поехали со мной, женой будешь!

— Экой ты, жених, скор на расправу! А еслив я за мужем? — А у самой сердечко забилося: так хорош офицерик этот, лощенный и с усиками, так хорош, что и убежать жалко.

— Нет! Ты меня ждала! Точно меня! Ночами вздыхала и днем думала, что приедет к тебе всадник, изопьет водицы и увезет в свой терем.

Ксения вдруг смутилась и опустила глаза.

— Ну, глянь же на меня! Я здоровый, богатый, все брошу к ногам твоим: и ковры заморские, и изумруды точеные! Верь мне! Царицей сделаю! Что тебе здесь в деревне? Гусей пасти да сор мести? Не трону, клянусь, пока не обвенчаемся. Слово офицера! Клянусь Богом, на руках носить буду!

— Алексей Павлович! — позвал крайний, замыкающий обоз возница. — Не отставай надолго!

— Догоню, — махнул вознице поручик.

— Сладко обещаешь, да жестко потом спать будет, — по-взрослому и будто опытная баба, повидавшая не один обман, сказала девушка. — Не верю я вам, обманщики кругом. Вот если матка с батькой согласятся, тогда пойду. — А сама думает: Андрюша в партизанах, мужики все по заимкам прячутся, и спасти ее некому будет.

— Значит, люб я тебе?! — офицер кинулся обнять Ксению.

— Не тронь! — приказала она, почувствовав уверенность и власть над ним. — Родительского благословения нет.

— Да какие родители?! Жизнь-то твоя сейчас решается! Упустишь миг, и все иначе пойдет. Пойми, такое просто не случается! Бог правит нами, он нас свел, а то ты и не знаешь, что он нас уже обвенчал!

Отряд покинул Елшанку, рассвет выбелил лесную темень, и от света утреннего и румянца стыдливого еще краше стала Ксения, еще смущеннее. И поняла сама, что или сейчас, или никогда.

— Хорошо, — выдохнула она онемевшими губами, — пойдете к бате за благословением. Согласная я!

Снял с девушки офицер коромысло с ведрами, обнял и крепко поцеловал в уста. Да так крепко поцеловал, да так сладко пахло из-под воротника девичьего, что как безумный подхватил он ее и закинул на шею коню одним махом, снял уздечку с изгороди и, будто птица крылатая, вскочил на коня.

Проскакав село, он свернул в поле. Не успело еще намести, — и в этом было для него провидение Божие, и в том, что теплынь текла в лицо вместе с рассветом. Ксения пыталась вырваться, молча и неистово, но он был слишком силен, жилист, из мужиков с ним мало кто справиться мог, а тут девка, да еще любимая. Отъехал верст пять, спрыгнул с коня, помог и ей встать на землю.

Они стояли напротив друг друга, и вдруг она развернулась и побежала. Он кинулся за нею, сбил с ног, сам упал рядом.

— Жизни мне без тебя больше нет! Пойми ты это! — запыхавшись, пытался говорить, одной рукой держал ее, а другой черпнул снега и утерся. — Судьба ты моя! Не отпущу! Всё!

— Силком мил не будешь! Зарежу! — ответила она, пока Алексей завязывал своим шарфом ей за спиною руки.

— От тебя и смерть приму, как Божью благодать. Поехали в церковь, обвенчаемся, а потом к родителям. Смотри, — Алексей достал из нагрудного кармана сверток. — Все твоим родителям отдам, пусть поживут богато, а я еще добуду, коль ты со мной! Посмотри, здесь много золота! На, возьми себе. — Он свернул тряпочку с драгоценностями и сунул ей в карман.

Ксения молчала. Она была зла и растеряна. Зла, потому что без согласия ее увез, а растеряна, потому что выкуп изрядный. И красив был, стервец, очень красив.

Плен

(17 декабря 1919 года)

Поручик Левашов закинул связанную Ксению на шею коня, взлетел в седло, когда увидел за околицей отряд красноармейцев. Но уйти от погони он не смог.

С зуботычинами и в царское, и в новое время жилось привычно. Так не так, а в морду хошь не хошь, но получи! Пока к плененному подъехал командир отряда, ретивого Алексея успели остудить изрядно.

— Прекратить! — закричал командир красноармейцев. — Позор — вести себя как всякая белая сволочь! Вы — бойцы Красной армии, а занимаетесь избиением пленных!

— Товарищ Ковригин, так он первый начал, выхватил саблю и давай ею махать. Мы ему говорим, прекрати, мил человек, людей пугать, а он как бешеный. Ну и пришлось объяснить господину колчаковцу, шо нельзя так разговаривать с бойцами Красной армии.

Отряд грохнул разом и дружно. Красный командир тоже не удержался и улыбнулся.

— Кто такой? — спросил он пленного.

Пленный молчал. Ковригин принял от красноармейца саблю, вынул ее и прочитал на лезвии: «Алексей Левашов». А с другой стороны витиеватой, но понятной вязью: Pierre Chevalier.

— Так ты кто, господин поручик: русский или француз?

Пленный молчал, только выплюнул сукровицу.

— Откуда вы, девица? — обратился Ковригин к девушке.

— Мы из Елшанки будем, — Ксения смотрела командиру в глаза.

— По своей воле бежала с колчаковцем?

— Товарищ командир, — пояснил все тот же красноармеец, — дамочка была связана, силком вез.

— Понятно. Надругаться хотел. Товарищи! Мы — красноармейцы, а не колчаковская сволочь, а потому пленного доставить в Болотное, завтра будем судить. Помните, что мы здесь власть, а власть поступает только по закону, и чтоб никакого самосуда не было.

Командир Ковригин приказал двум бойцам доставить Левашова и девушку в Болотное, а сам с отрядом отправился дальше — искать отступающих колчаковских карателей.

Ксению посадили на офицерскую лошадь, а поручика пустили следом на привязи, мол, пусть разомнется. В Болотное заехали к полудню. Было ясно, морозец крепчал. На улицах безлюдье, только на вокзальной площади несколько трупов и брошенная полевая кухня. Колчаковцы ушли без боя, потому пожаров не было, да и погибших немного.

Заперли белогвардейского офицера в углярке около багажного отделения до суда и расстрела. Темно в углярке, но тепло, потому как одна стена с кочегаркой соединена окном, закрытым деревянной ставней, и было еще уличное окно, в которое загружали уголь. Алексей попробовал его на прочность: ставня даже не шелохнулась, закрыта снаружи. Присел у теплой стены и понял, что это его последние часы,

и так тоскливо стало ему, что хоть волком вой. Собственно, жизни еще и не было, была только война, прежде с персами, после на германском фронте, а теперь в Белой гвардии. Связь с родителями и сестрой потеряна, в Москве хозяйничают голод и большевики.

Мать Алексея — дворянка из древнего рода Мусиных, отец — служака, из мещан, а потому выше подполковника подняться не смог, однако был приглашен в Александровское военное училище готовить офицеров пехоты. Алексей после военной гимназии сразу же поступил именно в это заведение, где преподавал отец, и окончил его в 1908 году. Боевое крещение получил в Персидском походе с 1908 по 1914 год, а потом сразу же война с Германией. Вот и вся биография!

Алексею прочили славную карьеру, потому что более яростного и решительного характера среди юнкеров не было. И еще Алексей отличался внешней красотой. Его выделяли тонкие черты лица, умные, даже печальные, глаза и высокий лоб. Он был строен и длинноног, с большой ловкостью фехтовал, а из седла его нельзя было выбить, ничей конь так не ходил аллюром. Юнкера смеялись, говорили, что Левашову нужно попасть на глаза цесаревнам и тогда, возможно, в России появится русский царь, а не Николашка-немец — сын Марии Софии Фредерики Дагмар, внук Луизы Гессен-Кассельской.

И теперь из этой угольной западни и полной безнадеги смешной казалась юнкерская жизнь. Нелепое, унижительное прозвище «фараоны» для новобранцев. Волнительное ожидание императорского приказа о произведении в чин офицера. Готовность погибнуть за Родину, именно за Родину, а не в войне с «рабочими и крестьянами»...

Сильно болело лицо, стонала выбитая челюсть, при неловком движении начинала кровоточить губа, глаза заплыли так, что щелки остались. Через несколько дней наступит 1920 год, ему исполнится тридцать лет. Не исполнится! Ему даже тридцать лет не исполнится, а хотел жить долго. Оттого и смерти не боялся, что уверен был — жить будет долго!

Что-то заскреблось около уличного окна, Алексей подошел, прислушался. Ставня зашевелилась и начала с трудом подниматься. Он упал на колени, уперся плечом в стену, подsunул пальцы в наметившуюся щель и рванул ставню вверх. Очевидно, его кто-то спасал. И, не раздумывая более, как только ставня позволила пролезть, он, как обожженный уж, выполз на улицу.

— Ты?! — удивился он, увидев Ксению.

Хотел обнять, но из-за угла появился часовой.

Явно не ожидавший, что можно устроить побег днем, часовой замешкался, скидывая с плеча винтовку. Алексей выбил оружие у него из рук, и они покатались по снегу. Красноармеец был силен, и Алексей скоро оказался прижат к земле. Но вдруг солдат обмяк. Алексей спихнул его и увидел Ксению с окровавленным штыком в руках.

— Бежим! — вскочив, приказал он.

— Сюда, — позвала Ксения, и он последовал за ней.

За углом стояли запряженные лошади. Алексей помог Ксении сесть, сам вскочил на вторую лошадь, и они рванули прочь от станции, вглубь Болотного, по тесным улицам, за спасением. Переправились

через железнодорожные пути около станции Тын, и далее опять повела Ксения. Она, очевидно, уже продумала путь побега.

— Вот это девка! — то ли плакал, то ли смеялся Алексей, преследуя свою, уже без сомнения, и спасительницу, и любимую, и жену.

Уходили полями. Проскакав в угаре и волнении около десяти верст, они спешили в колке глубокого падуна, привязали лошадей к береге и только теперь посмотрели друг на друга. Ксения вдруг кинулась к Алексею и зарыдала:

— Я человека убила! Из-за тебя!

Алексей обнял девушку, прижал к себе.

— Но, если бы не ты, он убил бы меня, а потом и тебя! Понимаешь, это война! — Он попытался утереть ей слезы. — Всё, успокойся. Знаешь, сколько жизней на каждом из нас? На том же часовом! Сколько он убил? А меня хотели судить, а потом расстрелять! А ты спасла! Ты спасла меня, дорогая, любимая! На всю жизнь любимая!

— Ой, горе-то какое! — причитала Ксения.

— Откуда у тебя штык? И как ты ловко! А лошади откуда? Что за чудеса!

Ксения все плакала, но утерла глаза и стала рассказывать.

— Меня поселили в дом, около вокзала, к женщине. У нее два сына, черненькие такие, как нерусские. У них я нашла штык и потом пошла тебя выручать. А когда проходила мимо вокзала, увидела лошадей у привязи, я их отвела в сторону, спрятала за оградой, а потом уже к тебе.

— И это, считай, середь бела дня?!

— Ночи я ждать не стала, — а вдруг тебя сейчас стрельнут? — вот и пошла. Штыком поднимаю доски, а они не поднимаются... а тут ты помог... — И вдруг опять завыла: — А потом я человека убила!

— Не убила, а мужа своего спасла! Самого близкого человека. Ты понимаешь, что я твой должник на всю жизнь?!

— А как с этим теперь жить?! Я отцу помогала и свинью колоть, и разделявать, и бычка резать. Но не человека! Я видела кровь, но не человеческую.

— Вот! И нам предстоит преодолеть эту пропасть, потому что я видел кровь только человеческую! И теперь у нас на двоих эта человеческая кровь! Теперь мы вместе и навсегда! Я тебе помогу, вот увидишь, я рядом, а значит, все будет хорошо!

Они обнялись и стояли долго-долго.

— Маму жаль и батьку моего. Мама теперь плачет, думает, что со мною беда.

— А с тобою — счастье! — Алексей попытался поцеловать девушку.

— Нет, со мною горе и счастье вместе. — Ксения отвернулась и посмотрела в потемневший вечерний небосклон.

— Через боль рождается жизнь, как человек рождается с болью матери, — пытался утешить Алексей.

— Но не на чужом горе! — разумно отвечала Ксения.

Алексей радовался ее умению думать и говорить: значит, эта красавица не крынка из-под молока, а умница!

— Любимая моя, скажи наконец-то, как тебя зовут?

— Ксюша, — глянула на него девушка.

— Ксения? Какое милое имя! А меня Алексей.

И вдруг она, смахнув слезу, рассмеялась:

— Алексей?! Ох и добренько же тебя разукрасили! Не лицо, а поле боя!

Дядя Игнат

(18 декабря 1919 года)

Когда Алексей попал в плен к красным, его обыскали, отобрали деньги. А были у него купюры всякой разной масти, на все случаи жизни, даже марки и десять долларов. Но самая большая потеря — сабля прадеда, тот ее у француза еще в Отечественную добыл. А драгоценности сохранились, никому в голову не пришло плененную девушку обыскивать. Вот и пойми эту жизнь, где найдешь, а где потеряешь.

Ксения предложила спрятаться в Коураке, в предгорном селе, у бабки Анисьи, отцовой матери. Дорогу она хорошо знала, потому что еще при царе отец проводывал братьев и родителей каждый год, и Ксению с собою брал.

При бабке Анисье жил сын Иван, он золотишком промышлял на реках Салаира. И была у него заимка на тамошней горе. Вот об этой заимке и подумала Ксения, когда решила помочь молодому офицеру бежать, и тогда же она поняла, что с ним останется. До Коурака верст сто, но и про ночлег Ксения подумала. Ночевать решила у брата отцова под селом Кииком, на хуторе вблизи реки Ини, а до него полдороги будет. Сыновья бабки Анисьи после женитьбы каждый по своим хуторам разъехались, благо в Сибири и места, и леса, и земель пахотных немарно. Вот каждый себе полюбившееся место и нашел: Егор в Елшанке, Игнат на Ине, а Иван в Коураке при матери остался.

Когда Ксения с Алексеем добрались до хутора дяди Игната, что на берегу Ини, уже темно стало. Постучали в ворота. Игнат на стук чуть из ружья не пальнул. Но обошлось. Удивился, но принял.

В доме тепло, овчиной и уютом пахнет. Чисто, дядькина жена тетя Оля на стол еду мечет сноровисто.

Алексей подивился облику Игната: мужик среднего роста, в душегрейке с меховой оторочкой, голова стрижена под горшок, а борода великая, черная и такая густая, что даже на щеках растет. И видно на лице Игната только нос и глаза, будто старовер перед тобой. Нос тоже изрядного размера, а глаза огненные, глядят будто сквозь человека светят. А тетя Оля, напротив, чиста лицом, добра взглядом и сама, как хохлушечка, кругленькая и ладная. Коль такая жена в дому, и щедрот никаких не надо, без печи согреет.

Долго молчали, только сосредоточенно ели, и наконец дядя Игнат спросил:

— И кто же тебя так разукрасил? Красные или белые?

— Красные...

— И за что? За Колчака? Или ограбил кого?

— Я белый офицер, Левашов Алексей Павлович, поручик Русской императорской армии, сухопутные войска.

— А Ксюша почему с тобой?

— Она моя невеста.

— Егор благословил? — повернулся Игнат к Ксении.

Наступила томительная тишина.

— Вот что ты пристал? — не утерпела тетя Оля. — Не видишь, что у них свадьба с убёгом?

— Это так? — опять обернулся Игнат к Ксении.

— Так, дядя, — она покраснела, встала из-за стола и отошла к печи, — я по доброй воле с Алексеем бежала.

— Отлично! Вот тебе белый офицер, когда красные кругом, вот тебе морда будто кусок мяса, а вот тебе и племяшка со всем этим добром и свадьбой с убёгом! Что с вами сейчас бы сделал Егор? И что мне, брату его, с вами сделать?

— Игнат, — опять не утерпела жена, — они к тебе за помощью прибежали, а ты сидишь и кочевряжишься. К кому им еще податься? К своему или чужому дяде?

— Дядя Игнат, я люблю его. И к тебе мы бежали и впрямь за помощью. Больше нам спрятаться негде, только на заимке дяди Ивана! — взмолилась Ксения.

— Что хочешь? — обернулся к Алексею Игнат.

— От красных спастись и с Ксюшей остаться.

— Через Иню уйти?

— Да, на Салаир. Как она сказала, к вашему брату Ивану.

— Ивана нет, помер. Но заимка осталась.

Наступила тягостная тишина.

— Принеси подарки, — обратился Алексей к Ксении. И когда она принесла сверток, положил его на стол и развернул драгоценности.

— Господи помилуй! — охнула тетя Оля, увидев разные кольца, браслеты и иные украшения.

— А не много ли за переправу? Или со страху?

— Половину. А вторая половина родителям Ксюши. Выкуп за нее и покаяние.

— Награблено? — спросил Игнат.

— По-разному, — ответил Алексей.

— У всех по-разному, — задумчиво ответил дядька. — Хорошо, что честно. Что еще?

— Все.

— Вот и дурак. Тебе две лошади не нужны, тебе хорошие розвальни теперь нужны, мука, спички, соль. Понял? Я приготовлю. Я знаю, что нужно на заимке хотя бы на первую зиму. А то и себя голодом заморишь, и девку погубишь. Не чужая она мне, племянница.

— Спасибо вам! — обрадовался Алексей.

— Давай барахло свое сюда. Будет так: половина Егору, брату моему младшему, это, правильно ты рассудил, за Ксюху, а вторая

половина — за переправу, провиант. И доведу я вас до Ивановой заимки сам. Это чтобы к матери моей не появляться. Она уж очень говорливая. Золото на Салаире найдешь, его там хоть ложкой черпай. А молчание наше — бесплатно. Егору же скажу, что у Ксюши все хорошо. Мол, это свадьба с убёгом, но венчались у меня.

— Венчались?! — переспросила Ксения.

— Именно! Венчались! Завтра поеду с местным батюшкой говорить, он мне тут чуток задолжал.

— А пост? Сейчас Рождественский пост идет. Батюшка в пост не обвенчает, — со знанием дела заявила тетя Оля.

— У нас теперь война, брат на брата, некогда пост соблюдать, а они путешествующие, этим вообще все можно.

— Не богохуль, — упрекнула тетя Оля.

— Наши дела, не бабьи. Как я Егору в глаза смотреть буду, если не обвенчаю? В прелюбодействе жить дядька разрешил? Так, что ли? Все будет по-людски.

— А не сдаст красным нас этот священник? — засомневался Алексей.

— Не сдаст. У нас тут не сдают, мы тут друг за дружку еще держимся.

— Спасибо, дядя! — кинулась Игнату на шею Ксения.

— Погодь благодарить. Но к Егору поеду позже, нынче время горячее, чтобы в Елшанку ехать. Переждать надо. А венчаться нынче будем, в пост. Крепче узы будут, когда в пост и поперек времени.

Свадьба с убёгом

(29 декабря 1919 года)

Дядя Игнат не обманул. Готовились к отъезду основательно, вместе управлялись по хозяйству и со скотиной. Тут же лечили Алексея, синяки и желтые разводы сходили на глазах. Но скорый побег, что называется налегке, и полста верст верхом не прошли даром для Ксении. Она тайно пожаловалась тете Оле на саднящую боль внизу живота.

— Приморозили девку-то, до коликов, — чуть позже проворчала тетя Оля своему мужу, будто он тому был виной.

— Так лечи, а то детков не будет, — удивился Игнат.

— Так и лечу. Сегодня, кажись, полегчало, — сказала, будто огрызнулась, тетя Оля.

Спали молодые по разным комнатам, — как и обещал Алексей, близость только после венчания.

Прошло десять дней, до Рождества оставалась неделя. Тетя Оля готовила праздничный стол, дядя Игнат уехал за священником, который красных на дух не переносил, а Ленина звал антихристом.

К обеду в собственной кошевке¹ приехал батюшка, следом за ним — дядя Игнат в розвальнях. И пока Игнат распрягал своего коня, священник вошел в избу. Крупный, высокий, еще молодой, но уже с разъетым брюхом. Скинул шубу на руки тете Оле, поправил тяжелый крест на животе.

¹ Кошевка — легкие сани для выезда.

Со свету с прищуром оглядел горницу, увидел в красном углу иконы и басовито, со вкусом пропел, осеняя себя крестным знамением:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Аминь. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй! — Потом повернулся к ожидающим его тете Оле, Ксении и Алексею: — Мир вашему дому!

Тетя Оля подошла к священнику, поклонилась в пояс, коснувшись пола правой рукой, потом сложила ладони лодочкой вверх:

— Благослови, батюшка Феофан!

Священник перекрестил ее голову и положил свою пухлую руку ей в ладони. Тетя Оля поцеловала руку священника и с видимым смирением отошла прочь, давая иным поздороваться с батюшкой. Скоро вошел и хозяин. А батюшка уже готовил обряд исповеди перед венчанием.

И все было достойно и благородно, степенно и с соблюдением чина. Исповедались все, и дядя Игнат тоже, в отдельной комнате при закрытых дверях. Тетя Оля специально шебуршала на кухне: то терла, то мешала квашню, то в печь дров подкидывала, чтобы ни звука не донеслось из комнаты и не нарушилось таинство исповеди. Предусмотрительная женщина.

Последним исповедался Алексей, долго, так долго, что от волнения дядя Игнат налил из четверти полстакана сивухи и жадно выпил, чему крайне удивилась жена. На том неожиданности не кончились. Потом быстрым шагом из комнаты буквально выскочил священник и, не накинув шубы, вышел на улицу, стоял там минут пять в рясе, считай, раздетый. Алексей оставался в комнате. Скоро вернулся священник, прошел к исповедуемому и, не закрывая дверей, сказал:

— Не на земле, а на небе развязывать будешь все узелочки, что завязал здесь.

После накинул на Алексея епитрахиль и начал читать разрешающую молитву.

— Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти, чадо Алексея, и аз, недостойный иерей, властью Его, мне данную, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Таинство венчания прошло подозрительно быстро, на трапезу Феофан не остался, сослался на дела — кого-то отпевать надо — и сразу же после церемонии покинул дом.

Дядя Игнат посмотрел в окно на спешащего к своей кошевке священника, открыл бутылку, налил чуток, выпил залпом и произнес:

— Действительно, свадьба с убёгом. Ну-с, за стол, молодые!

— Вот сюда, Алексей, Ксюша, седайте! — засуетилась тетя Оля.

— Что мы здесь, пимы сибирские? — продолжил свою мысль вслух дядя Игнат. — Какие тут грехи у нас: своровал, напился, бабу побил. А ты три войны пройди и человеком будь, когда все человеческое вместе с дерьмом и мочой на поле боя осталось! Вот поди потом и исповедуйся! Вот поди потом и стань святым! Слабак Феофан! Мужика исповедь честную услышал и дрисней весь двор загадил! — И вдруг обернулся к Алексею, руку протянул, пожал крепко. — Уважаю. Потому что честен.

Вот потому и Ксюху отдаю с уверенностью, что счастлива будет, потому что при мужике.

Игнат посмотрел на окно и ударил кулаком по столу.

— Завтра повезу вас на заимку. Лед на Ине за эти дни окреп. Проедем!

— А если Феофан все-таки доложит кому о нас? — спросил Алексей.

— Не доложит, знает, что убью. Вот этой рукой. Наливай, зятек, гулять будем.

Выпили изрядно. Говорили мало. А о чем говорить? Все и так понятно. Счастье с горем смешано, как кровь с молоком. Время такое.

— Ну что, Алексей, легче после исповеди стало? — спросил хмельной Игнат.

— Нет. С самогона полегчало, будто вожжи ослабли, будто душу отпустили на волю погулять. А от исповеди — нет. Бог, он, может, и простит, но ведь и самому себя нужно простить, а это уже сложно.

— Вот и у меня такая же канитель, — в ответ вздохнул Игнат. — Поп, он все вынести может, потому что чужое, а как самому быть, никто не скажет. Как с собою в мире жить?

— Верно говорите. Бог-то отпустит, а кто меня от меня отпустит? Кто примирит совесть с душою? — согласился Алексей. — Видно, тяжелый грех у тебя на душе, дядя Игнат?

— А тут как посмотреть. Грех-то вроде и не мой, а душа у меня болит. И пока бабы свои разговоры разговаривают, расскажу тебе, признаюсь, поскольку ты сам не чище меня, потому что в тебе чую душу сродную-грешную. Даже попу стыжусь о том рассказать. А ты сегодня на исповеди не постыдился о себе поведать, вот и я покаяться хочу.

Жил у нас здесь рядышком, в деревне Кусмень, парень Гришка Заяц. И задумал он жениться на девахе местной, такой же бедной и неприкаянной. За душой у них ни гроша. Вот и приехал ко мне этот Гришка, рухнул в ноги и говорит: «Помоги мне, дядя Игнат, на ноги встать, займи денюжек, с лихвой отработаю». А в меня будто черт вселился. Он слезами пол моет да штанами вытирает, а я ему: нет, и всё тут. Всех сирых, говорю, и убогих не согреть, вон вашего брата сколько расплодилось, и всем дай! Встал Гришка, поклонился и говорит: «Прости, дядя Игнат, что пришел к тебе. Знать, иной у меня путь». И ушел.

Потом узнаю, что Гришка в Новониколаевск подался на заработки, строить Алтайскую дорогу, там изрядно платили, а деваха его в батраки пошла к купцу местному. У того парни подрастали. Что там и как — не знаю, да только пошла та деваха по рукам, купеческие пацаны ею даже приторговывать начали. Короче, срам на всю округу. Вот я и думаю, что я благое дело сделал — спас Гришку от сраму, не то женился бы он на шкуре бессовестной.

Вернулся Гришка через год с деньгами хорошими, а тут такое не-потребство. Напился в трактире придорожном у того же купца, а ему его же деваху за деньги предлагают. Порешил он этих двух братьев купеческих в том же трактире и убег. Где он теперь, никто не знает, говорят, на дорогах шалит. Но я не верю, уж очень он добрым был, уважаемым. Однако двоих убил! Вот как она, жизнь-то поворачивает.

И я вроде как тут ни в чем не виноват, мое дело и моя воля помочь али нет. А сомнения берут, думаю теперь: помоги я тогда Гришке, и жизнь у него потекла бы иначе, и девка по рукам не пошла бы. Две души убиенных теперь на Гришке висят, а может, уже и более того, рыщет на большой дороге и грабит безвинных людей. Вот я и гадаю теперь, сколько в Гришкиных грехах моего будет? А тут еще одна бабка мне как-то и брякни, на мое же слово, что всех, мол, не обогреть. Она мне и говорит: да, милоч, всех не обогреть и не накормить, но стремиться к этому надо. И совсем меня покоя эта старуха лишила. Вот за то, во искупление греха своего несвершенного, повезу вас с Ксенией до самой Ивановой заимки. Может, оттого душу мою грех тот на волю отпустит.

И вдруг бабы шептаться меж собой перестали и чему-то своему громко засмеялись. Потом притихли, а Ксения запела, тоненько и робко, но подхватила тетя Оля:

Домик стоит над рекою,
Пристань у самой реки;
Парень девчонку целует,
Просит он правой руки.

А с припева и Игнат забасил:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Один Алексей молчал. Народных песен он не знал, петь не умел, а убивать больше никого не хотел. Оттого и потекла по его щеке юркая пьяная слезинка. Исповедь все-таки отпустила душу, окаменевшую, осатаневшую, чужой кровью залитую. А Ксения вела своим тонким и чистым голосом, будто залечивая его раненое сердце:

Белая роза свиданья,
Алая роза любви,
Желтая роза разлуки —
Я умираю с тоски.

И все трое — Игнат, тетя Оля и Ксения — уже слаженно и уверенно:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Белую розу срываю,
Красную розу дарю,
Желтую розу разлуки
Я под ногами топчу.

И вдруг Алексей подхватил припев, сорвался, но прилачился вновь к голосу жены, тети Оли и громкому, низкому, будто рычание, вою дяди Игната:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Первый раз пел Алексей, и ведь получилось.

В больнице

(Январь 1920 года)

Долечивался Иван Николаевич Шелковников в Новониколаевске, в железнодорожной больнице на Владимирской. Лежал в хирургическом отделении — отдельном деревянном бревенчатом бараке. Лечили с почетом, как партизана, пострадавшего от колчаковских карателей. Мужики — все с боевыми ранениями — дивились чуду спасения из-за войлочной подкладки, пришитой к внутренней стороне шапки.

— Вывели нас на пустое место, поставили в две шеренги, — рассказывал герой. — Раздалось: «Пли!» Все попадали, как литовкой подкосило. Я тоже упал. Сам не знаю, живой или мертвый. Потом слышу: «Рубите шашками». Я притаился, как мертвый, чуть дышу. Подошел один и рубанул. У меня искры из глаз! Еще раз рубанул — все потемнело... Потом команда: «Загребите снегом!» Это я услышал все равно как во сне, еле-еле. Дальше слышу топот — уезжают. Руки из снега вытащил, голову нащупал. Не раскололи всё же. А все остальные мертвые. Вылез, вышел на тракт — и айда. Ночь была светлая. Холодновато. Голова у меня болтается, не держится — шею разрубили. Кровь бежит, а идти ничего, могу. Между трактом и железной дорогой эстонские хутора. Я туда и пошел. Там работники — свои ребята.

— Да, — вздыхали мужики, и у каждого была своя история, своя боль.

— А вот меня изувечили по моей же глупости, — поддержал разговор пожилой крестьянин по имени Тарас, который по больнице в юбке ходил. — Пришли в деревню беляки, забили все избы до отказа. А утром конфисковали у населения много продуктов. Им нужно было дальше отступать. Многих деревенских они мобилизовали в обозы. Попался и я. Пришлось везти на своем коне беляков до станции Тайга. Вез я четверых солдат. А был у меня кобель рыжий с красноватым оттенком и всегда неотлучно со мной. Мы уже подъезжали к Тайге, а тут выскочил заяц. Собака, понятно, за ним. Я сдуру и брякнул: «Смотрите, красный белого погнал». Белякам это не понравилось. На станции меня выпороли плетками, да так, что не мог ни сидеть, ни лежать. Вот теперь, стыдно сказать, с вами, героями, жопу свою лечу, штаны одеть больно, вот юбку теперь ношу. Срамота прям.

И вдруг в очередной раз, собравшись в курилке, мужики начали спрашивать Шелковникова о расстреле на берегу речки Ояш, о стойком

партизаны, который и мертвый стоял, будто скала. В тот момент Иван Николаевич неожиданно и даже как-то не к месту вспомнил, как год назад вез в своей кошевке древнего старика до железнодорожной станции, а тот вместо денег подал ему скуфейку², но из войлока, и посоветовал подшить в шапку, для тепла.

— А не грех, — тогда еще спросил Иван Николаевич, — носить поповское убранство на своей плешивой голове?

— Не грех, — ответил белый старик, — даже опричники Ивана Васильевича такие носили.

— Опричники? А откель знаешь?

— Знаю, — ответил старик. — Глядишь, и в голове твоей почище будет.

— От скуфейки? — удивился Шелковников.

— Нет, от тепла. Если бы скуфейка чистила, все попы святыми бы стали. Пригодится она тебе, голову твою спасет.

И не подумал тогда Иван Николаевич, что старик тот с намеком говорил, даже слегка обиделся на него за священнослужителей, что вроде без уважения к ним. Но скуфейку из плотного и мягкого войлока принял. А теперь понял, что не простой тот старец был, истинно святой, оттого и в попах сомневался. И еще... Шелковников вдруг увидел в этом спасительном случае нечто загадочное. Видно, рано было помирать, что-то еще осталось несделанное на земле. Но вот что, тут надо бы подумать. Без сомнения, теперь знал Иван Николаевич, что ничто на земле не случайно, а дадено по заслугам и во благо, даже горе пережить.

Еще один из заядлых курильщиков по имени Александр Парфенов затеял свой рассказ.

— Не поверите, братцы, я-то был отправлен в Новониколаевск для работы с партизанами. Ну, а как с малолетства имею склонность к лошадям, да и работал в Москве на ипподроме еще с царских времен, то по прибытии в сибирский город напрямик на ипподром³. А куда еще лошадиному податься?

Колчак лютует по всей Сибири, а потому здесь сформировалось два фронта сопротивления ему: одни — убежденные коммунисты, а другие против Колчака, которые из-за его зверств и грабежа пострадали. Они так и говорили, мол, мы за коммунизм без большевиков. Вот я и озабочился, как их перемешать так, чтобы у всех мозги на место встали. А тут незадача: Колчак Омск сдал без боя! И из Омска сюда, в Новониколаевск, прилетают на аэропланах белые авиаторы во главе с полковником Сергеем Аркадьевичем Бойно-Родзевичем. Ипподром — ровное место. Приземлилось пятьдесят восемь аэропланов и около ста пятидесяти авиаторов вместе со штабистами. Говорят, не все долетели, сломались. Что делать, думаю... Диверсию учинить? А технику жаль, у Красной

² Скуфья — остроконечная черная или фиолетовая бархатная шапка у православного духовенства, монахов.

³ Старый ипподром находился на территории Татарской слободы, между современными улицами Гоголя, Ольги Жилиной, Некрасова и Ипподромской. Использовался не только для проведения скачек, но и для демонстрации полетов авиаторов.

армии аэропланов раз-два и обчелся, а они за шестьдесят верст летать могут без остановки и четыре пуда боеприпасов везти. Ценность имеют огромную. И влез я в доверие к полковнику, их благородию. А как влез-то? Они прилететь-то прилетели, а ипподром на окраине, два дома рядом, и те битком набиты обслугой, а на улице зима! Вот я организовал через комячейку на станции Новониколаевск пять буржук, два воза дров и два диковинного угля. Его-то начали добывать в Судженске всего пятнадцать лет назад. Заняли одну конюшню, почистили, тепла нагнали, разместились обслуга и механики, а прочие офицеры, постарше, в Новониколаевск съехали.

На мою радость, Колчак еще в июне снял Сергея Аркадьевича с должности и перевел в резерв, но авторитет полковника среди подчиненных был совершенный. И начал я потихоньку с бывшим начальником Воздушного флота армии Колчака разговоры, что Колчак проиграл, что Красная армия скоро здесь будет, а когда во Владивосток упретесь, куда полетите? А новой власти и самолеты, и авиаторы нужны, потому как советская власть есть власть народа. И авиация нужна. А как без авиаторов авиацию развивать? Вот, говорю, и подумайте. Так самолеты никуда не улетели, так на ипподроме и остались, и авиаторов около сотни красным сдались, остальные на восток побежали, в Манчжурию в основном. А после сдачи полковник просил помочь уехать в Польшу. Так и случилось.

А сюда я попал случайно. Когда полковник построил авиаторов и предложил остаться с большевиками и служить России, один офицер выстрелил, да в меня угодил. Вот я теперь здесь, но скоро поеду в Москву, аэропланы уже там. Кончилась моя конная служба, я теперь помогать буду аэропланы строить.

После рассказа Парфенова потер Шелковников лоб и говорит:

— Вот же судьба! В тебя стреляли, чтобы ты в землю лег, а ты в небо полетел.

И смеялись все раненые так неумно, что нянечка без стеснения в уборную, где они курили, заскочила да так цыкнула на них, что смеху еще больше стало.

Переправа

(Январь 1920 года)

Отправились в путь — чуть светать начало. Снарядили сани, груженные провиантом и инструментами, запасную лошадь привязали к саням на длинный повод. Дядя Игнат места знал отменно. Спустились на лед Ини.

— Вот здесь островок, лед прочный до него, а там посередине реки проедем немного, там мелко. Потом на той стороне появится берег пологий, там и пойдем через стремнину. Однако на стремнине лед тоньше, подальше друг от друга держитесь.

Переправлялись пешком. Игнат приказал близко друг к другу не подходить, а сам правил лошадкой, запряженной в сани. Лед был крепкий,

даже не прогибался под ногой. Местами под снегом, а местами чистый и прозрачный, но дна не было видно, чернота. На стремнине лед затрещал под санями, и Игнат приказал Алексею с Ксенией остаться на острове, а когда переправился и поднялся на берег, распорядился спуститься по течению и переходить, минуя след саней. Впрочем, было странно видеть связанных между собой длинной веревкой Алексея и Ксению. Когда Игнат привязывал их друг к дружке, так и сказал:

— Теперь или жить вместе, или помереть.

— Пугаете только, — засмеялась Ксения.

— Шутит, — согласился Алексей, обнял жену и поцеловал.

— Ну, будет тут телячьи нежности распускать! Скоро надоедите друг другу. На заимке особых развлечений нет. Только топи и жрать готовь, ну и... — задумался, но все ж сказал, — и о потомстве думай.

— А сколько верст до заимки? — спросил Алексей, когда уже пошли полем.

— Семьдесят, пожалуй, будет, — предположил Игнат. — Ксюха, а ну, седай в сани, нечего ноги зазря бить.

— Мы за день не одолеем, — заметил Алексей.

— Конечно, нет. К заимке верст пять, и всё в гору. Заимка-то на горе. Есть у меня по пути на примете избушка охотничья, за Курундусом. Теперь время Рождества, значит, все дома, вот мы и переночуем в ней. Мороз бы не ударил, чтобы лошадок не попортить. Но опять-таки, если что, мы их в домик заведем, как-нибудь поместимся, только бы дверь не помешала. Не помню я про дверь, какая она — низкая или для людей.

Потом шли молча. Ксения лежала в санях, укутанная в дядькин тулуп, а Игнат шел рядом и правил лошадкой, за ним следом шагал Алексей.

— А теперь нам на дорогу выезжать, а на дороге все может быть: и красные, и белые, и разбойники. Обижаются люди, грабежи кругом. А потому вы вроде как тифозные, а я вроде вас везу к Анисье, матери своей, в Коурак, от тифа лечить. Там, в санях, деготь припасен, намажьтесь, чтобы от вас, как от пса смердячего, воняло. Опять-таки, Алексей, ружьишко под рукой держи, но до срока не доставай. Попробуем доехать миром. Ну а если воевать придется, то уж будем воевать.

— Здорово! А вы, дядя Игнат, продуманный. Такие на войне на вес золота.

До избушки добрались, никого по дороге не встретили, но все же, сворачивая в лес, дядя Игнат приказал березку срубить и к саням привязать, чтобы волочилась и след заметала.

Наутро запрягли в сани вторую лошадку, для того и вели, чтобы сберегла силы. Мороз усилился, и в том Игнат видел благо, потому что скоро пересекать большой тракт. А в Рождество да в мороз пройти незамеченными легче.

Легче, но не удалось! Уже на подъезде к тракту — видно его было — вдруг появился отряд конных, человек пятнадцать, красные, потому как один конник скакал с красным вымпелом на высоком древке.

— В тулуп кутайтесь, — приказал Игнат. — Красные, поди, по тракту уйдут.

Но нет, отряд свернул ровно на Курундус и мчался навстречу Игнату. А тот вправо взял, чтобы отряду дорогу освободить, лошадку остановил, сам с саней соскочил и начал неистово креститься на приближающийся отряд, а потом упал на колени и замер, уткнувшись лбом в снег: мол, делайте со мной что хотите, ни в чем я не виноват. Конники промчались мимо. Видно, отряд спешил по каким-то важным делам.

— Всё, ушли, — сказал красный от волнения и мороза Игнат. — Бог миловал!

Молодые сели в санях. И тут Алексей начал смеяться.

— Дядя Игнат, ну ты удивил! Как ты крестился и на колени рухнул, это же надо так раболопно и неистово! Ну артист!

— Да я, если честно сказать, думал, что все, не уберег племяшку. По тебе и твоей роже, даже заросшей волосьем, видно, что ты беляк. На лбу написано большими буквами: «Я — белый офицер». А их пятнадцать бойцов!

— Не веришь ты в Бога, дядя Игнат! — возразил Алексей.

— Это почему же? Вчерась попа вам привозил. Сам исповедался, ручку целовал! Как же это не верю?!

— Поп тебе грехи отпустил?

— Ну, допустим.

— Причастил Святых Христовых Тайн?

— Ну, так и что?

— А это прямая дорога в Царствие Небесное тебе открыта? Так или нет? А? Ксюша! Или я неправильно понимаю?

— Да ну тебя, тебе все только смеяться, — прильнула к мужу Ксения.

— Вот я и говорю, если бы в Бога верили, то после исповеди смерти не боялись бы. А мы не верим, у нас все на всякий случай, и Бог, и молитва, и исповедь.

Дядя Игнат только махнул на Алексея и, ничего не сказав, тронул вожжи.

— Но-о! Родимая! Поехали! — Сам сел в сани, чему-то улыбался и сильно был собою доволен.

Проехали чуток по тракту с новой березиной вместо хвоста, съехали в поле и заспешили к наметившимся на горизонте горам.

Заимка

(Январь 1920 года)

Заимку дяди Ивана нашли не сразу. С подветренной стороны снегу намело по горло. Это в полях его мало, а в горах нанесло будь здоров, по самое не хочу. Пробивались хитрыми путями, и опять опыт и знания дяди Игната выручили. А когда добрались, Алексей прямо сказал:

— Дядя Игнат, если бы не ты, никогда бы не сыскать нам этого места.

— Иван, царствие ему небесное, хитрым был, умным, умел тень на плетень навести. А летом тут и сам черт дорогу не найдет, — ответил дядя Игнат, потом подумал и добавил: — От людей уйти легко, но без людей выжить будет трудно. Я живу на своем хуторе, а от людей

не отрываюсь, хотя завтра все может быть: жизнь заставит — сожрать могут. Жизнь, она такая, сожрут и не поперхнутся. И все-таки без людей страшно жить.

Заимка в удивительном месте, вроде в провале склона, но вся округа на виду. С одной стороны бок у горы лысый, нет деревьев, ни береза не растет, ни сосна, ни пихта, и тут же заросли такой плотности, будто кто деревья напугал и с поляны разогнал, и те столпились по сторонам и на злодея смотрят. Домик маленький, спиной к склону, окно деревянное, слюдяное, в четыре глаза, но со ставенькой от ветра и нечистой силы. Когда вошли внутрь, Алексей сказал, показывая на сияющее от солнца окно:

— Смотри, Ксюша, такие только во дворцах бывают!

А выход сбоку, под хозяйственный навес. Под навесом дрова, ларь пустой невесть для чего, сеном угол забит, колода для дров, в ней топор, ржой прихваченный, под крышей пила двуручная с крупными и острыми зубьями, в ящике гвозди граненые, длинные, кованые, — всё на виду и грабежом не тронуто. И гнездо осиное, огромное, как ведро, под потолком висит.

— Убери, а то летом сожрут, — распорядился дядя Игнат.

Пока Алексей разорял гнездо, а потом знакомился с угожьями, дядя Игнат печь затопил. Печь без дверки, огонь виден, — красиво.

— А дверка где? — спросил Алексей.

— А без надобности. Видишь, топка глубокая. Это чтобы бревнышки не пилить и не колоть, просовывай только, как прогорят. Это в Сибири принято. А ну, попили-ка чурками — руки отсохнут.

Ксения ходила кругом, смотрела посуду, постель из шкур в углу, печь и полки. Стол с неровной поверхностью, на котором даже чашка и та стояла криво. Лампа керосиновая, полная керосина, и гасильник для лучины. А по полу рассыпана сушеная полынь и пижма — первое средство от мышей.

— С милым и в шалаше рай! — подбодрил ее дядя Игнат. — Поживете год, все уляжется, красных погонят, и вернетесь к людям с приплодом.

Разгрузили муку, пшено, другие припасы в лабаз. Дядя Игнат проверил наличие ложек, чугунков, ножей и прочей кухонной прихоти, что-то от себя добавил, но без излишеств и баловства.

— Ну, первую зиму вам одиноко-то не будет, а потом, Бог даст, и распогодится. Живите, любите, печь топите, да помните, что среди зверей живете. В сортир без ружья ходить опасно, сожрет еще кто. Медведя здесь нет, спит, а следы рыси видел. Однако и косули много, зайца и лисы просто прорва. Волка видел только у подножия. Короче, жратвы вам тут хватит.

— А вода? Здесь же нет воды. Снег топить? — удивилась Ксения.

— А вот про воду я вам и забыл сказать. Айда со мной!

Они вышли из дома, дядя Игнат зашел за поленницу дров под навесом и позвал:

— Алексей, огоньку захвати!

За поленницей обнаружился вход в скалу. Дядя Игнат запалил на стене факел, и тот осветил грот, похожий на чум, только по земле

текла вода. Она вытекала из стены, попадала в углубление наподобие корыта и другим ходом исчезала под стеной.

— А вот вам и вода, и зимой, и летом. И для себя, и для лошадок, если они нужны будут. Но лошадки вам здесь пока не нужны, они все зверье вам соберут, всю дичь к дому приманят. Потому и Иван от лошади отказался, когда вторую загрызли. Для охраны, Алексей, лучше тебе рысь приручить, даже парочку: одну для себя, а другую для Ксюши. И живите спокойно. С марта по май окотится рысь, подкормит котят, убей матку и забери приплод. Очень хорошие охранники вырастут.

— Опять убить кого-то надо, — удивилась Ксения.

— Ты людей убивать не можешь, Богом запрещено, а живность всякую для жизни и пропитания в меру бери. Она для того и создана, чтобы человек выжить мог. Тут все справедливо.

Дядя Игнат прожил на заимке три дня, очень важных, без которых молодой чете было бы трудно освоиться. Утром намеченного дня отъезда все вышли из дома. После оттепели ночью ударил мороз, и кругом теперь царила красота белого леса, покрытого толстым слоем инея. Алексей запряг одну лошадку в пустые розвальни, вторую привязал к санному разводу. Игнат уселся в сани, слегка щелкнул языком, и послушная лошадка повезла его прочь.

— Отсажу огород и приеду, — пообещал он.

Алексей с Ксенией шли следом, потом долго стояли на склоне, пока он не исчез в густом лесу. А кругом сказка, у каждого дерева своя пышная белая шуба. Красиво, но в душе появилась какая-то пустота и тревога.

Они вернулись в дом. Печь трубно гудела, Алексей прикрыл за-слонку, протолкнул полено поглубже в топку.

— Вот и сбежали мы и от белых, и от красных!

— Да, и от мамы, и от папы, — согласилась Ксения. — Хорошо только, что дядя Игнат сообщит им обо мне, богатый подарок вручит, и старики мои успокоятся.

— Так и будет, любимая. Здесь мы в счастье и спокойствии поживем. — Алексей повернул к себе жену и поцеловал.

Зайчики

(7 января 1920 года)

Игнат прежде поехал напрямки, потому как много петляли, когда искали заимку Ивана, а выбравшись на равнину, встал в свой же след, и дорога пошла веселей.

Дум у Игната было много: и про белых-красных, как бы минуло лихо встретиться что с теми, что с иными; и про Ольгу, все ж таки на неделю, считай, оставил одну на хозяйстве, а тут разбойников развелось... Одно утешало: хутор его вдалеке от глаз людских и нет к нему нынче следа, глядишь, и обойдется. Но не заехать к матери Игнат не мог, не по-людски это, не по-сыновьи — быть рядом и не попроведать мать родную. Тем более матушка его Анисья была охоча до разговоров.

К полудню добрался до Коурака, и напрямки по родным улицам к матушке. А матушка его увидела — и в слезы:

— Жду тебя, сыночек, ой как жду! Давеча Гришка Заяц был, тебя спрашивал. Где, говорит, твой сын? Я ему отвечаю, что на Ине он живет, че здесь-то рыщешь? А он отвечает, что нет тебя на хуторе, мол, значит, здесь, у матки. Ищи, говорю, может, найдешь. Потом только и ушел, окаянный.

— Плохо. У меня, говоришь, был? Поди, Ольгу не обидел. — Игнат разделся, присел к столу. — Покорми, мать, да поеду, чует сердце беду. Ты прости, что не погостил даже. Вот успокоится народ маленько, власть образуется, и порядок придет. Тогда и приедем, может с братцем даже.

— А кака власть-то будет, Игнаша?

— А нам без разницы, мама. Главное, чтобы порядок навели да разбою на дорогах не было.

— Банду эту «зайчиками» средь людей кличут. И белые ловили, и красные по ним стреляли, да все впустую.

— Зайчики, говоришь, — повторил Игнат и начал хлебать щи.

И часа не гостил Игнат, перепряг лошадку и погнал домой. На свертке в сторону Курундуса увидел нескольких всадников: никуда не едут, будто его ждут. А куда деваться, едет Игнат напрямком на них. Подъехал, бородатые мужики спешились.

— Пстой, Игнат, не спеши, разговор есть, — сказал один.

И узнал в нем Игнат Гришку Зайца.

— Кто ж сообщил, что здесь я, коль меня ждешь? — удивился Игнат.

— Сорока на хвосте принесла, — в тон ответил Гришка.

— Чего надобно? — пряча в бороде страх, спросил Игнат.

— Глазищи у тебя прямо жгут, но не обжигают. Проси пощады, Игнат, ползай на коленях, как я ползал у тебя, прося о помощи. А не то убью тебя без твоего покаяния.

— Я тебя от бабы худой спас, а ты меня еще и грозишь?

— Худыми бабы становятся от случая. Помог бы мне тогда, и жил бы я сейчас счастливо, хлеб растил и детишек.

— Худая баба бывает от рождения. Родилась потаскухой — так и будет блудить!

— Твоя, что, тоже потаскухой родилась?

— Ты огороды не путай: твоя — и моя.

— Тут заглянул к тебе на хутор, так она никому не отказала, со всеми ласкова была.

— Врешь, сучонок! Врешь же!

— Я тебе и говорю: баба блудней по случаю бывает.

Сдержал гнев Игнат, нащупал рукой ружье под ногой, предусмотрел, и вот пришел тот неведомый всякий случай.

— Смотри, красные скочут! — вдруг мотнул головой в сторону Игнат.

Те, как по команде, головы и повернули, а Игнату то и нужно было. Схватил он ружьишко свое и разок успел пальнуть. Прилетел и ответ от всех «зайчат» разом, но только лежал уже Гришка на спине с разорванной грудью, потому что в упор Игнат стрелял, не промахнешься, да и не дробь на рябчика была в ружье, а пуля на медведя.

Так и нашли потом люди двух покойников рядом. С тех пор банда исчезла, будто и не было. Хоронила мать второго сына уже без слез, не было, не текли по щекам слезы, должно быть от горя, что не на войне сгинули мужики, а от злобы и жадности.

Зимняя радуга

(7 января 1920 года)

К полудню, как уехал с Ивановой заимки Игнат, солнце совсем разыгралось. Вроде и мороз, а тепло.

— Пойдем во двор, посидим, пока мороз под сорок не завернул, — предложил Алексей, любясь красотой слюдяного окна.

— Пойдем, — ответила отчего-то грустная Ксения.

Они вышли из дому. Алексей выкатил из-под навеса высокую колоду, уронил ее набок.

— Трон наш царский! Присаживайся, принцесса моя! А я у ног твоих. Они уселись на короткий обрубок рядом и обнялись.

— Что это?! — воскликнула Ксения.

— Где?

— На той горе, видишь? Огонь золотой, будто подмигивает. Страшно-то как!

— Вижу. Но отчего тебе страшно?

— Он мигает, будто смотрит на нас!

— Дуреха! Придумала тоже! Ну кто бы на нас смотрел? Да еще с горы, до которой невесть сколько идти. Это какие глаза нужно иметь, чтобы нас видеть? Вот такущие, с колесо? — показал Алексей, вытаращив на нее глаза.

— Не пугай меня!

— И не костер это. Это золото! Вот что там такое! Понимаешь ли, это золото! Точно! Слиток! Вот ей-богу! Чует мое сердце, разбогатеет мы здесь! Алексей встал. Прислонил ладонь ко лбу, сосредоточил взгляд.

— Точно не огонь, дыма нет. Это золото. Ксюша, это значит, мы богаты!

— Это же какой кусок золота должен быть, чтобы так мигать? Это дьявол! Сам сатана! Алеша, пойдем в дом! Я боюсь.

— Ксюша, мы теперь живем в тайге, много чего не знаем. Весной схожу на ту гору, принесу тебе тот слиток, и будешь смеяться над страхом своим. А теперь посмотри, есть там огонь?

— Нет, теперь нет!

— Вот и ответ. Мы просто чего-то не знаем.

Ксения смотрела вдаль, на склон противоположной горы, но золотого огня больше не было, никто не мигал.

— А ты не думала, что это Вифлеемская звезда оповещает нас о празднике?!

— Почему ты так решил?

— Потому что сегодня Рождество! А я и думаю, отчего сегодня радуга светит.

— Радуга? — удивилась Ксения.

— Глянь туда, в долину. Видишь радугу? Вот я все вижу: и огонь твой сатанинский, и радугу. А ты ничего не видишь!

— Где? Почему я не вижу, а ты видишь? Ты, наверное, обманываешь меня, смеешься?

— Любимая, увидь ее, это к удаче. Кто увидел зимнюю радугу, тому счастье придет.

— Не вижу, вот ей-богу, не вижу!

— Смотри, — Алексей поднял руку, — вокруг солнца цветной круг: желтый, синий, красный. А по бокам еще пятна такие же, как солнце. Ты видишь? Сразу пять солнц! Одно большое посередине, а четыре по сторонам.

— Вижу, Лешенька! Вижу! Это сам Бог пришел к нам в гости! — закричала Ксения.

— Как хорошо ты сказала: сам Бог пришел к нам в гости. Так и есть, сегодня Рождество! Это не звезда — это сам Бог пришел, весь в сиянии, как небесный цветок!

— Какое счастье, Лешенька, быть с тобой и видеть Бога! Это нам на удачу, это ты правильно сказал.

— Цветок небесный! Ты этого чуда не боишься?

— Нет, этого не боюсь, а того, что мигает, боюсь.

— Радуга зимой! Здорово!

— Да, Алеша, а тот кусок золота, что мигает, ты потом все же принеси, пожалуйста, чтобы я не боялась.

— Обязательно! Обещаю, какой бы величины он ни был!

Они вновь уселись на обрубок бревна, обнялись и просто смотрели на чудо-радугу.

— Как же мы теперь жить будем? — вздохнула Ксения.

— Счастливо будем жить.

— А как без людей жить счастливо?

— А много ль ты среди людей увидела счастливых? Они же как волки: сильный отбирает у слабого, подлый — у честного, наглый — у робкого, умный — у глупого, богатый — у бедного. И этих людей ты называешь счастливыми?

— Как-то без людей непривычно! Но ты есть у меня, и мне больше никто не нужен!

— И ты у меня есть, и мне никто не нужен. Я хочу жить мирно без людей, а с людьми такого не будет. У людей всегда война.

Радуга остывала, постепенно растворились краски, осталось лишь свечение на небосклоне.

— Что же это такое? Алеша, что за день, посмотри, как теперь светится, будто серебро рассыпали!

— Вчера было тепло, а утром ударил мороз, вот и заледенел пар миллионами искринок. Однажды я уже видел зимнюю радугу, но это было еще в детстве. Посмотри теперь, все, ничего нет. А почему? Потому что солнышко изменилось, оно за горой теперь.

— А как наша гора называется? — спросила Ксения.

- Не знаю, может, и никак. Здесь гор много, не у каждой имя есть.
— Жаль. — Она опять положила голову ему на плечо.
— Почему жаль?
— У прочих, может, и нет имени, а у нашей должно быть!
— Так у нашей уже есть!
— Ты же только что говорил, что нет.
— У нашей горы название есть — Счастливая!
— Почему Счастливая?
— Потому что ты живешь на этой горе! — Алексей еще крепче обнял

Ксению и вдруг запел хрипловато, но уверенно, правда, он запомнил только припев:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Ксения удивленно посмотрела на поющего Алексея и подхватила тоненьким, слабым, но очень приятным голосом:

Белая роза свиданья,
Алая роза любви,
Желтая роза разлуки —
Я умираю с тоски.

Иванов тайник

(Март 1920 года)

В грот Алексей заходил часто, и не только чтобы набрать воды в ведра. Что-то в этом убежище было таинственное. Во-первых, незамерзающая вода: откуда вытекала, куда уходила — ответа нет. Свод ровный, будто плита, но весь в сталактитах — маленьких каменных наростах. И все сталактиты были целыми. Это значит, что здесь не бывало людей, кроме дяди Ивана. Если бы сюда приходили люди, то среди них обязательно нашелся бы тот, кто отломил бы хоть одну каменную сосульку. Зачем? Да просто так, люди все ломают просто так.

С трех сторон стены неровные, но монолитные — одна скала, и только с четвертой будто осыпь из огромных валунов. Будто из пещеры вытекла не вода, а камни. Вот эта россыпь и манила Алексея. Что было за этими камнями внутри пещеры? И главное, почему грот не наполняется дымом от факела? Значит, есть выход для дыма!

В общем, жизнь на горе преподносила новые загадки.

Дядя Игнат был не прав, говоря, что зимой на заимке работы мало. Утро Алексей посвящал заготовке дров, которые просто улетали в открытую пасть печи, потому что дом плохо держал тепло. Уютно было, пока топилась печь. Ксения готовила еду, штопала свою исхудавшую одежду и пыталась рукодельничать. Кушанья не отличались разнообразием. Спасибо дяде Игнату, что дал немного сушеных грибов, иван-чай

и бруснику с медом. В то же время мяса было много. Косули, зайцы сами лезли в чугунок. Даже на охоту ходить не надо, достаточно выйти из домика и пальнуть в проходящую мимо косулю.

Кроме того, у Алексея появилось еще занятие — Ксения научила его кожевному ремеслу. Ее отец слыл отменным кожемякой, прекрасно выдельвал шкуры и шил обувь, вот Ксения и усвоила его уроки, а теперь стала строгим учителем для Алексея. И Алексей учился не только обрабатывать шкуры, но и шить. А шить кожу — это дело исключительно мужское.

Сверх прочих забот Алексей занялся разбором каменного завала. Долго разбирать не пришлось. Месяц работы окупился с лихвой: Алексей нашел тайник — кожаный мешок с золотым песком и мелкими самородками. Один крупный, почти два с половиной фунта⁴. Такая находка обескуражила Алексея. Он положил мешок на место, заложил, как было, камнями и разбор завала прекратил. Ксении ничего не сказал.

Ксения же не на шутку затосковала по дому. Она начала часто вспоминать подружек, детские случаи, а иногда тихонько плакала. Алексей видел эти перемены, но молчал, знал, что слюбится — стерпится и с такою жизнью. Человек может выдержать все.

Он серьезно задумался о тайном смысле жизни. Он во всем теперь искал тайный смысл. Вот, например, что значило вдруг свалившееся на голову богатство в двадцать пять фунтов рассыпного золота? Почему оно появилось, когда им воспользоваться нельзя? Превратности судьбы или кто-то издевается над ними? Что это? Ведь богатство имеет смысл, если живешь среди людей. Здесь, на горе, золото теряет свое значение. Оно становится таким же бесполезным, как зола в печи. В подобных размышлениях он бродил пару дней, потом отрезал от дерева приглянувшуюся веточку, поставил в доме в воду и, когда веточка ожила, сделал из нее дудочку.

Новоиспеченный миллионер играть на дудочке не умел, но намерения имел самые серьезные. И скоро окрестность ожила нескладной, но тоскливой мелодией. Такого местный лес не слышал никогда, потому что этот дудочный вой не походил ни на гул ветра, ни на призывы сохатого, ни на шипение и мяуканье рыси, ни на рев медведя, ни на шум дождя. Это, как сказала Ксения, было похоже на то, как будто «жилы из меня тянешь». Но около заимки следов зверей стало меньше, а зайцы вовсе разбежались.

Заготконтора

(1920—1922 годы)

В апреле, когда побежали ручьи и вся округа защебетала, зашевелилась, зашуршала, завозилась и ожила, Алексей выследил беременную самку рыси, которая приготовилась рожать. Как и советовал дядя Игнат, он пристрелил мать, когда котятка начали употреблять сырое мясо. Он принес их домой, молока не было, а потому кормили только мясом

⁴ Фунт — старорусская мера веса, равен 409,5 грамма.

зайцев и косули. Рысьята росли быстро, очень скоро привыкли к людям и сами определились: один котенок предпочитал общество Ксении, и она назвала его Рос, а второй — Алексея, и тот в поддержку жене назвал своего Рус. Уже в июне Алексей начал брать с собой на золотодобычу своего питомца, а второй оставался охранять Ксению.

Прошло два года, когда, не дождавшись возвращения Игната, Алексей наведалься в базарный день в Коурак. Он узнал и про продналог, и об окончании Гражданской войны, и про зверства колчаковцев и белочехов. В центре села были похоронены сорок два борца за советскую власть, в том числе четыре красноармейца. Ненависть народа к колчаковцам во всей Коуракской волости была неистребимой и, видимо, вечной. А потому особенно появляться на люди Алексей опасался. Однако муку, крупы и соль, патроны, порох, капканы и прочие многие надобности предстояло добывать самому.

На том же базаре Алексей выяснил, что существует заготконтора уездного продовольственного комитета, которая занимается заготовкой картофеля, мяса, яиц, овощей, пшеницы, а также рассчитывается за сданную пушнину не только рублями, но и товарами: например, ту же пушнину меняет на патроны, порох и прочие охотничьи принадлежности.

Алексей набрался решимости и зашел в контору заготовителей. За столом сидел пухлый мужчина с недовольным, похмельным лицом.

— У нас реорганизация, — только завидев Алексея, сообщил он. — Приходите через месяц.

— А может, удастся как-то решить этот вопрос? Мне очень продукты и патроны нужны.

— Вы меня, товарищ, не путайте, мне работать надо, — заявил пухленький сотрудник заготконторы и утер рукавом пот с лица. — А лучше вам от меня уйти, пока я милицию не вызвал.

И тогда Алексей положил перед ним маленький самородок золота. Пухленький глянул на металл и продолжил писать. Потом остановился, взял золото в руку, повертел, потер, рассматривая его на свет, и вдруг сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот это заглотишь! — открыл стол, бросил туда самородок и вынул бланк. — Как фамилия?

— Левашов Алексей Павлович! — обрадовался Алексей и назвал своей настоящей фамилией.

— Работаешь?

— Охотник, пушной промысел.

— И золотишко моешь?

— Балуюсь.

— Я тебе билет выписал, по нему пушнину сдавать будешь на складе. Склад за углом. На крестьянина ты не похож, рожа не та, но мне плевать. Осанку свою офицерскую поправь, а то стоишь по стойке смирно. Шапку надень, да поглубже на лоб натяни, тогда, может, еще поживешь. Иди. За совет потом считаешься.

Шапки у Алексея не было. Значит, надо сшить, решил он, если даже мелкий торгош его видит.

Алексей тут же заглянул на склад. Там сидел ровно такой же пухленький мужчина, который ровно так же, на опережение, предупредил:

— Принимаем только по билетам!

— Хорошо, — ответил Алексей и скоро покинул склад, потому как сдавать сегодня было нечего, выделанные шкурки остались дома.

«Выход найден! — ликовал новоиспеченный член кооператива. — Власть новая, а лихоимцы старые!» — и это обстоятельство его очень устраивало. Пока есть воры — легче жить!

Но сегодня Алексей получил недвусмысленное предупреждение, что на люди ему лишний раз лучше не появляться — рожа не та.

Ученье — свет

(Июнь 1922 года)

Ксения совершенно обносилась. Шутка ли, столько времени носить одну и ту же юбку и кофточку. Одежда напоминала уже лохмотья. Да и шубейка потерлась, но взамен ей Алексей сшил нечто похожее на полушубок. Хорошо, тетя Оля отдала Ксении свои новые пимики, беленькие, с незатейливой, но красивой вышивкой на голенище, сапожки кожаные без каблука, но с пряжкой, и ботиночки для лета. Просто счастье, что размер подошел. Однако башмачки Ксения уже износила. Лапти терли ногу. И если супруг смог решить вопрос с заготовкой муки и прочего нужного, то с одеждой вопрос оставался открытым.

Тогда Алексей решил идти в Коурак и выменять на несколько шкурок лисы, белки и рыси необходимую одежду. Однако поменять ничего не удалось, зато удалось добыть набор сапожного и плотницкого инструмента и еще нечто, о чем Алексей говорить Ксении пока не хотел. Обретенные инструменты не произвели на Ксению никакого впечатления. Она требовала одежду и обувь — и для дома, и для улицы.

Алексей сел шить для Ксении ботиночки. Прежде дня два он выстрагивал колодки по размеру, взял заготовки кедровые, потому что древесина у кедра мягкая и легко строгается. Начался процесс с подошвы из шкуры медведя. Когда обрезал подошву по краю колодки, ему уже понравилось, что было сделано собственными руками. Если медвежьей шкуру Алексей выделывал впервые, и она действительно получилась для подошвы или, вернее, не получилась годной больше ни на что, то козья шкура была мягкой и красивой. Шил новоиспеченный сапожник один башмачок несколько дней. Примерили, Ксения одобрила. Второй получился лучше, без морщин. Однако руки Алексей исколол шилом и иглой изрядно.

А безрукавка, тулуп, кожаная юбка, песцовая шуба, меховая обувка и тапочки у Алексея получились отменные. Он даже подтесанную столешницу обеденного стола обтянул шкурой косули. Постепенно утеплил потолок, натаскав мох на чердак, а стены обвешал шкурами медведей, волков и одного сохатого. У постели, под ногами, тоже появилась шкура медведя. Медведей Алексей уничтожал беспощадно и скоро уже не видел их следов вокруг своей заимки. Причина была: он знал и боялся этого

зверя — слишком огромен, силен, быстр и ловок был сибирский медведь. От прочих хищников защищали красивые темно-рыжие Рос и Рус. Они вели себя как обычные кошки, приходили, когда хотели, и уходили, бывало, на целую неделю. Иногда Ксения кормила их остатками разделанного мяса, но медвежатину рыси почему-то так же, как и люди, не ели.

Однако наступил день, когда Алексей решил обнаружить свои главные подарки. После обильного ужина он очистил место на столе и положил на него грифельную доску и несколько мелков в коробочке.

— Что это? — удивилась Ксения, разглядывая доску.

— А догадайся, — засмеялся довольный Алексей.

— Пачкается. — Ксения положила обратно в коробочку мелок.

— Пачкается! Это ученическая доска! Я буду учить тебя читать и писать!

— Меня? А зачем?

— Как зачем? Человек должен быть грамотным. Вот смотри, в Сибири идет борьба с безграмотностью. Называется эта борьба «ликбез» — ликвидация безграмотности.

— Лучше бы книжку какую купил и мне почитал.

— А я и купил! Сборник стихов Пушкина! Вот послушай, я это стихотворение еще в детстве читал, когда влюбился в придворную графиню Дору Лейхтенберг.

— Сейчас по шее схлопочешь!

— Не сердись, мне было пятнадцать, а ей двадцать шесть. И не дерись, лучше послушай Пушкина:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.

Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет...

Ксения слушала внимательно, поставив локти на стол и подперев кулачками подбородок. Алексей читал, практически не заглядывая в книгу, он знал стихотворение наизусть, и это обстоятельство удивляло Ксению более, чем само произведение, которое она слушала.

— Ну, как? — спросил вдохновленный Алексей.

— Хорошо. Только зачем он мужику язык вырвал? Мужика жалко. А это что за книжка? — Ксения показала на вторую книгу, которую привез Алексей.

— Эта книжка — самая главная книжка, которую я купил тебе. Называется она «Приключения Крокодила Крокодиловича», и написал ее некто Корней Чуковский. Вот послушай, мне она самому понравилась:

Жил да был
Крокодил.
Он по улицам ходил,
Папиросы курил,
По-турецки говорил, —
Крокодил, Крокодил Крокодилович!

А за ним-то народ
И поет и орет:
— Вот урод так урод!
Что за нос, что за рот!
И откуда такое чудовище?

Гимназисты за ним,
Трубочисты за ним,
И толкают его,
Обижают его;
И какой-то малыш
Показал ему шиш,
И какой-то барбос
Укусил его в нос, —
Нехороший барбос, невоспитанный...

Алексей прочитал еще, остановился и посмотрел на повеселевшую Ксению.

— И как тебе сие произведение?

— Алешенька, но про крокодила лучше! А что такое трамвай?

— Ну, это когда... потом расскажу. Это целая история.

— Почитай про крокодила еще.

— Понятно все с тобой. Но когда ты научишься читать и писать, я надеюсь, ты изменишь свое мнение о Пушкине, он тебе будет нравиться значительно больше.

— Может быть, — не поверила мужу Ксения. — Но пока почитай про крокодила.

— Хорошо, обязательно почитаю. — Алексей положил на стол еще несколько книг.

— И это все мне? — удивилась Ксения.

— Отнюдь, любезная Ксения, сии книги я приобрел для себя. Хочу понять время, вот и купил себе. Смотри, работы Карла Маркса, Ленина и Плеханова. И еще, — Алексей положил на стол несколько газет. — Это газета «Правда», и ей, оказывается, уже десять лет. А мы не знаем о том. А почему? А потому что не умеем читать. Вот прочитаем газету «Правда» и станем с тобой большевиками, и начнем строить коммунизм. Хотя, мне кажется, мы и так с тобой живем при коммунизме! Представляешь, Ксюша, эта чертова власть закрывает церкви, а рабочих и крестьян пытается

научить читать и писать! Они прям дураки, честное слово! Как из дубины неотесанной можно воспитать человека? Они же всю жизнь в грязи, а их сгоняют за парты в школы. Они сидят и навозом воняют!

— Так я тоже, получается? Я тоже из крестьянской семьи и тоже читать не умею. Ты-то зачем пытаешься меня учить, доску для письма купил?

— Ты, Ксюша, жена дворянина, а значит, сама дворянка!

Вот такой вечер знаний. Но все-таки стихами сыт не будешь и на ногу книжки не обуешь. А то, что шилось, было крайне спорного качества. Сделанные Алексеем башмачки натирали мозоли, и Ксении пришлось приспособиться носить их с портянками. После очередного бурного женского негодования, которое мужчины называют скандалом, Алексей решил идти и добыть для жены нормальную и одежду, и обувь.

Барышня, обождите!

(Июль 1922 года)

В Коураке славился один торговец — нэпман⁵, его магазин занимал видное место на центральной улице. Собственно, это здание и до революции принадлежало местному купцу, который торговал продуктами и готовым платьем, но сбежал вместе с колчаковцами.

Алексей зашел в магазин под вечер, осмотрелся и умело спрятался за колонну, на которой висели женские платья и шубы. Прежде ушла продавщица из соседнего продуктового зала, потом засобиралась галантерейщица. Она попрощалась с хозяином, тот закрыл за нею дверь на засов, а сам уселся в подсобной комнате считать барыши и заполнять какие-то бумаги. Его было хорошо слышно, он сопел, кашлял, причмокивал губами и шелестел бумагой.

Магазин состоял из двух просторных комнат, в каждой по два огромных окна, но в мелкую клетку массивных рам. Алексей не терял времени, он сначала прокрался в зал продуктов, изрядно перекусил, запил соленую рыбу кислым пивом, слегка охмелел, а потом уже занялся делом. Прежде нашел вместительный мешок и начал собирать в него понравившуюся женскую одежду и обувь. Старался выбирать все для лета: и платьица, и туфли. Скоро мешок был полон одеждой всякого цвета и фасона, с тем умыслом, чтобы Ксения смогла выбрать себе по вкусу, а прочее перешить. Однако вот эта мысль, что можно перешить и из большего сделать меньшее, привела его к тому, чтобы более просторные платья надеть на себя.

Когда на улице уже стемнело, Алексей, изрядно вспотевший в бесчисленных нарядах, неожиданно вошел в комнату, где корпел над бумагами хозяин, накинул ему на голову плотную юбку, чтобы тот не увидел его, пригрозил недвусмысленно, а после скрутил руки и ноги. Деньги он вытащил из открытого сейфа, аккуратно связал бечевой и сунул

⁵ *Нэпман* — частный предприниматель, торговец периода НЭП. НЭП — новая экономическая политика, проводившаяся в России в 1921—1928 годах.

в мешок с одеждой. Свое же лицо обмотал тонким шарфиком по самый нос, чтобы бороды видно не было, взвалил мешок на спину и пошел на Счастливую гору к любимой жене.

Выходил он через грузовые ворота, просто скинул засов и оказался во дворе магазина. Улицы, заросшие крапивой, коноплей и лопухами, дикими кленами и акациями, были тихи. Село засыпало рано, но все-таки случайной встречи избежать не удалось. Уже на выходе из села он не заметил, что на скамейке у ворот сидит хмельной мужик.

— Барышня, — позвал мужик, когда Алексей уже прошел мимо.

Алексей не оглянулся, даже не приостановился, а размашисто шагнул дальше. Но мужик, видимо что-то вспомнив или просто из охоты поговорить, заковылял за ним.

— Барышня, обождите!

— Чтoб ты сдох! — ругнулся Алексей.

— Ну, барышня, обождите же! Я одинокий путник! Понимаете? Я готов помочь вам нести вашу непосильную ношу! Барышня, ну куда вы так спешите? Я не успеваю за вами. Барышня, обождите! — Мужик начал нагонять Алексея. — Я сегодня выпил. Да, с устатку! Имею право! — Мужик уже поравнялся с Алексеем. — Хорошо, барышня! Три рубля! Да обождите же вы! Хорошо! Пять рублей!

— Что надо? — нарочито басом спросил Алексей, не поворачивая головы.

— Ой, мама дорогая! — охнул мужик и встал как вкопанный.

А как пришел в себя, бросился бежать прочь. Страшно стало ему, никогда он еще не слышал, чтобы женщина могла говорить мужским голосом.

Уже вдалеке от Коурака Алексей снял с себя все женское тряпье, скрутил, умело накинул на шею, мешок — на плечо и, счастливый, чуть ли не бегом зашагал домой.

Радости Ксении не было предела, когда она увидела все изобилие и ассортимент нарядов. Обувь подошла, но не вся, Алексей тут же пообещал ее поправить и подогнать по ноге. Одно платьице было столь восхитительным и так узорно подчеркнуло фигуру Ксении, что Алексей невольно заключил жену в крепкие объятия. Поняв намеки, Ксения вырвалась и приказала:

— Не сейчас, не мешай! Я так давно не носила нормальную одежду.

— Одежду?! — засмеялся Алексей. — Надо говорить «одежду», а не «одежу».

Но праздник кончился вдруг, когда Алексей, распираемый гордостью от столь удачной охоты за женским платьем, рассказал, как ловко обокрал нэпмана и как уморительно приставал к нему мужик со словами «Барышня, обождите!».

Ксения села на кровать и удивленно спросила:

— Так ты не купил, а своровал?

— Так у нэпмана. У него денег много!

Ксения в новом красивом платье вышла на улицу, села на «трон» и заплакала.

— Ну, что ты плачешь, любимая? Такие у нас обстоятельства. Денег не было, шкурки на одежду не меняют. Как мне быть? А тебе что-то носить-то надо. Я же для тебя старался.

— Я понимаю. — Она шмыгнула носом, как маленькая обиженная девочка. — Только у меня муж — вор! Ты понимаешь? Дворянин — магазинный вор! Это ужасно!

— Это обстоятельства! Понимаешь, обстоятельства непреодолимой силы!

— Но обстоятельства создают сами люди!

— Да, я дворянин, но я люблю тебя больше своего титула. Да, это преступление! Но ради ближнего своего. Это разве не оправдывает грех?

— Не знаю. Я не знаю, может ли любовь оправдать грех.

Партизан Лобанов

(Август 1923 года)

Все лето ушло на заготовку дров и на путешествия до Коурака в заготовконтору. Когда Алексей пополнил запасы пороха, капсюлей, дроби, гильз и прочего охотничьего снаряжения, понял, что муку, крупы, подсолнечное масло и миллион прочих продуктов и вещей на себе не перетащить. А продукты, заготовленные еще с помощью дяди Игната, кончились совершенно и подчистую. Пришлось купить старенькую лошадку и легкую, изрядно потрепанную таратайку⁶ на двух колесах. Очень выручили деньги «нэпмана». На обычной телеге доехать до Счастливой горы было затруднительно, потому что долина перед горой представлялась сплошной болотиной. Возможно, это и стало главным препятствием для визитов случайных путешественников. В то же время лошадка позволила не мозолить глаза только в одном селе, и Алексей уже побывал в Маслянине и в Егорьевском.

Теперь поездки «в люди» случались только по великой нужде. Одевался он для выезда бедно, даже летом ходил в порванной, но глубокой шапке. Говорил, снабжая правильную речь сибирской словесной смесью: «пошто», «на кой ляд», «бачить», «седайте», «откель», «нехай с ним», «стопарик», «в дышло ему», «едрена корень», «матю так» и другими привычными для местных жителей словечками. Опять-таки Ксения учила говорить «по-деревенски». При ходьбе Алексей сутулился, а в старый сапог подкладывал маленький камушек, чтобы прихрамывать. Сморгался наземь, утирался рукавом, но вот привычку придерживать левой рукой саблю изжить никак не мог.

Минуло три года, а дядя Игнат так больше и не появился. И решил Алексей выяснить, где мать Игнатовна живет, да ненароком узнать про него самого. В тот вечер, как прибыл в Коурак, ночевать остался у самогощицы.

Начал он бабку спрашивать:

— А не знаете ли вы, Пульхерия Феоктистовна, в Коураке женщину по имени Анисья, у которой три сына — Иван, Игнат и Егор?

⁶ *Таратайка* — легкая двухколесная повозка с откидным верхом.

А та и отвечает:

— Да как же не знаю, их все знают. Так померла она. Как второго сына схоронила, так и померла.

— Какого сына?

— Так первого, Ивана, схоронила давно, уже и не помню когда. А года два-три назад Игната разбойники убили. Так и ушла сердешная после похорон, померла тихо, со смирением. А тебе зачем?

— Знакомых встретил, так они просили ей кланяться, когда я в Коураке буду.

— А что за знакомые? Может, я их знаю?

— Нет, не знаете. Из Болотнинской волости они, из деревни Елшанка.

— Ну, если из Болотного, то не знаю.

Раздался стук в дверь, и на пороге появился мужчина, рослый и бородатый.

— Принимай, хозяйка, на постой я к тебе, до утра. Примешь? — он горел энергией и силой.

— Так есть у меня гость уже. Если не побрезгашь с ним в одной комнате ночевать, я вторую постель приготовлю.

— А кто он есть такой? Если купец или нэпман, то побрезгаю, а если человек крестьянского происхождения или шахтер кузнецкий, так он брат мне. С трудовым человеком и выпить не грех. Это, что ль, гость у тебя заморский? — подошел незнакомец к Алексею.

— Почему же заморский? — удивился Алексей, сидевший за столом. Он почувствовал опасность от въедливого взгляда неожиданного гостя. — Я из Елшанки Болотнинского уезда, заехал узнать о пропавшем товарище и на ночлег попросился, да первачка пригубить. Люблю я первачок. А ты-то кто будешь, мил человек? Спрос спрашиваешь, а о себе не говоришь, — не стал сдавать позиций и робеть Алексей.

— Я-то? Василий Лобанов, разведчик партизанского отряда славно погибшего командира Вершинина из Егорьевки! Слыхал?

— Слыхал, — поднялся навстречу партизану Алексей. — Слава о вас великая!

— Так узнал про товарища пропавшего?

— Узнал. Убили его бандиты три года назад, здесь похоронен.

— Понятное дело. Ты что-то про первачок говорил? А первачок я тоже уважаю. Это дело полезное. Сгоноши-ка нам, хозяйюшка, первачка, да закусить, а потом уж и постель приготовишь. А в Гражданскую-то что делал? — не терял бдительность партизан Василий Лобанов. Потом обернулся к Пульхерии Феоктистовне: — Ты, мать, поспешай, видишь, гости ждут.

— А я что? Я уже. Будьте любезны. — Хозяйка поставила бутыль, рюмочки и хлеб.

— А это что за библиотека? — указал партизан на стопку книг на столе.

— В избе-читальне забрал. Заказывал, из города привезли работы Маркса и Ленина.

— Похвально! Похвально, когда народ коммунизмом и большевистскими делами интересуется. А я вот как-то больше не по бумажке, а по делу.

— Васенька, грибочков или огурчиков соленых? — вмешалась в разговор хозяйка.

— Да уж чего-нибудь, — махнул партизан, разливая по рюмкам. Рука у него тряслась, и он слегка суетился в нетерпеливом желании выпить.

Алексей поднял рюмку.

— Давай, за знакомство! — и позвал: — Мать, убери в комнату книги, а то как-то нехорошо при товарище Ленине самогон жрать.

Они дружно выпили.

— Как тебя зовут? — Лобанов утер бороду.

— Я, товарищ партизан, блох на печке не давил. — И Алексей неожиданно оголил плечо и грудь, на которых обозначились глубокие шрамы. — Вот это в двенадцатом году турок ударил, подло. Они все такие, подлые. А это уже немец в июне шестнадцатого под Луцком. Потом госпиталь, потом домой отправили гнить, думали, что сдохну, но я выжил, а инвалидом остался. Понял, кто я таков?!

— Так мы на одном фронте с тобой, под командованием генерала Брусилова! Наливай! — зарычал Лобанов. — Ах ты, дело-то какое! Брата встретил!

Он сам наполнил рюмки. Выпили залпом, и вдруг Лобанов содрал с себя рубаху.

— Видишь, это немец под Ковелем, а это, — он повернулся спиной, — нагайкой от Колчака!

— Так ты тоже боевой! — Алексей протянул руку. — Я Алексей Левашов. Давай, солдат, за наше солдатское счастье, что живы остались.

— Брат, — вдруг охмелел Лобанов, — ты мне брат и боевой товарищ! — И партизан ударил кулаком по столу. — У меня знаешь сила какая была! Драться мог весь день. Ох, и много я голов немецких положил. Два Георгия у меня! Понял?

— У меня Георгиев не было, но я мог одним ударом саблей голову снести напрочь! — похвастался охмелевший Алексей.

— Врешь, одним ударом нельзя! Убить можно, но снести напрочь — нельзя. Хотя был такой, слава о нем шла. Поручик один. Мог одним ударом голову отрубить, прям на скаку. Но ты не сможешь.

Пульхерия Феокистовна любезно наполнила рюмки. Поручик Левашов и партизан Лобанов сидели друг против друга. Молча подняли рюмки и выпили. Не успели закусить, Алексей вдруг вспыхнул:

— Спорим, одним махом башку срублю!

— Спорим! — мотнул головой Лобанов.

— На что? — решил уточнить Алексей.

— Не знаю.

— Неважно, — согласился поручик. — Пошли.

— Куда? — удивился партизан.

— Голову рубить, — убежденно ответил Левашов.

— Кому? — засомневался партизан.

— Кому? А действительно, кому?

— А некому рубить. Все, нажрались! Давай выпьем и спать.

— Давай выпьем и спать, — согласился Алексей, но, прежде чем лечь, вышел на двор и заставил себя блевать. Он пил воду и промывал желудок. Так нужно было, чтобы не охмелеть совсем и не выдать себя.

Когда Алексей вошел в избу, Лобанов, который сидел понуро опустив голову, сказал:

— Теперь, Леша, ты мой брат. Если что, так и говори: Василь Лобанов — мой брат. Я тебя в обиду не дам. И шрам у тебя, вот этот, на груди, это... Ты понял, что ты герой?! Это же какую мы мясорубку прошли, какое крошево! — Партизан вдруг смахнул слезу. — Брата встретил. Спасибо.

Он встал перед Алексеем, и они обнялись.

Утром проснулись одновременно. Пульхерия Феокистовна уже приготовила завтрак. Вышли во двор, сполоснулись у бочки, по очереди поплескав на лицо, утерлись одним полотенцем. Прошли за стол. Опохмелились. Все молча.

— Брат, — сказал партизан и обнял Алексея, — спасибо, брат, от души.

— И тебе, брат, — ответил Алексей.

Бывший поручик с трудом запряг свою старую лошадку и поехал. А бывший партизан стоял около ворот и махал ему рукой.

Старатели

(Июнь 1925 года)

Золотодобыча потеряла смысл после находки Иванова тайника. Однако отказываться от увеличения золотого запаса Алексей не хотел и в очередной раз собрался в поход «пошукать золотишко».

— А я? — спросила Ксения.

— И ты, конечно. Что тебе здесь сидеть. Только ночевать в тайге будем. Не боишься?

— А мы где с тобой, не в тайге ночуем?

— В тайге, конечно, но постель наша застлана теплыми шкурами, печь даже в летнюю сырую погоду высушит наши одежды, в леднике ты всегда найдешь кусок вяленого мяса, а в кринке на столе дикий мед к горячему и душистому чаю. Разве не так? Опять-таки в горной речке мы можем поймать хариусов, запечь их в глине, и нет ничего слаще печеной рыбы с запахом дымка. Но до этой речки идти придется пешком, потому что наша лошадка нас не довезет, да и сама, старая, может по горам и бурелому никуда не дойти. А потому, если не боишься переломать себе ноги, пошли.

— С радостью! Я здесь уже одичала, я стала как дикая рысь, готовая порвать любого, кто ко мне приблизится! Мне кажется, что если я ослепну, то не испытаю трудностей, — все под рукой. Я научилась разделять тушу косули за пять минут в полной темноте, я вижу в темноте лучше Роса, я слышу твое приближение за две версты, я ненавижу красоту гор и запах цветов! Я ненавижу елки, пихты, сосны!

— Понял. Собираемся, — согласился Алексей.

Он пошел сворачивать шкуру медведя, потому что это он мог ночевать в тайге на куче веток, но не его «принцесса», у которой и без новых испытаний руки стали от холодной воды и грубой работы красными, как у гусыни лапки.

До шумливой горной речки было верст пять. Там, в смеси песка и глины, Алексей намыл самое большое количество золотых песчинок за один прием. И на той же речке он впервые зашурфился. Место было светлое, первый слой глины и щебня выкинул быстро, а потом только киркой: взрыхлил — выкинул, взрыхлил — выкинул. Глубже полсажени⁷ он не копал. И была у него заветная мечта — найти крупный самородок, фунтов на пять хотя бы. На той речке местами бурное течение, которое помогало промывать деревянный лоток — кстати, Иванов лоток, счастливый лоток. А рядом с речкой рос густой малинник и душица, которые Алексей любил заваривать в котелке, и там же в береговой заводи он ловил хариусов, которых съедал сырыми: просто потрошил, промывал тут же в речке, немного солил нежное и податливое мясо рыбы и с хлебом ел — вкуснятина!

Вышли утром, день намечался пасмурный, но сухой. Основные инструменты — кайла, лопата, лоток — были уже на месте, Алексей прятал все в крайнем шурфе. Но сегодня особая ответственность, он шел на свой прииск с женой, а потому пришлось взять много лишнего: одеяло, деготь, ложку и запасную одежду на случай дождя. Алексей нес снаряжение, а Ксения еду в котелке. Решили пойти на два дня, с одной ночевкой.

Трава выросла чуть ли не в рост человека, кругом каменная россыпь и валежник — черная тайга. К полудню добрались до намеченного места. Ксения сразу же занялась костром, а Алексей выбрал место для нового шурфа чуть выше по течению бурливой реки и сделал первую пробу. Ксения развела костер и подошла к мужу, ей было интересно увидеть, как добывается золото. Алексей тем временем наполнил лоток грунтовой смесью и начал промывать в речке.

— Долго еще? — не терпелось Ксении.

— Скоро, сейчас увидишь. — Алексей черпал новую порцию воды лотком, крутил им, сливал глиняную муть, выкидывал крупные камушки.

— Ты так и золото выплеснешь, — сделала замечание Ксения.

— Золото тяжелее камней, на дне остается, — пояснил искатель.

В лотке оставалось все меньше и меньше породы, и вот, наконец, последняя глиняная муть стекла из лотка, и на дне остались золотые песчинки и два маленьких самородка.

— И все? — удивилась Ксения.

— Да, это лучшая проба за все время, пока я мыл на этой речке! Смотри, два самородка и, наверное, золотник⁸ песка!

— А что, это много? — снова удивилась она.

— Конечно, много!

— Так это сколько же надо мыть, чтобы разбогатеть?

⁷ Сажень — старорусская мера длины, равна 2,13 метра.

⁸ Золотник — старорусская мера веса, равен 4,26 грамма.

— Люди всю жизнь моют. А мы с тобой уже богаты.

— Вот с этого золота?

— Любимая! У нас его уже фунтов двадцать пять этого золота.

— Ты уже столько намыл?

— Не только.

— Украл, что ли?

— Не совсем. Я нашел клад дяди Ивана. Мы с тобой богачи, миллионщики!

— Да как-то не верится, кругом грязь, и дворца я что-то здесь не наблюдаю. — Ксения обвела рукой округу. — Лошадь, правда, есть старая и карета о двух колесах.

— Не «о двух», а «на двух» колесах. Учись, Ксюша, говорить правильно.

— А зачем? С кем мне тут говорить правильно?

— Со мной.

— А ты и так меня понимаешь.

Медведь

(Июнь 1925 года)

Алексей был огорчен, потому что добытое золото не произвело ожидаемого впечатления, а, напротив, напомнило прежние упреки. Они вернулись к костру. Рос и Рус лежали рядом и тревожно секли хвостами.

— Смотри, наша охрана беспокоится, — заметила Ксения.

— Или росомаху чуют, или медведя.

— Медведя? — испугалась Ксения.

— Да, медведя. Ты не бойся, они сейчас сытые — жрут траву, корешки да малину.

И вдруг Рос и Рус подскочили и громко зашипели, их шерсть встала дыбом. На берег, чуть ниже по течению, вышел медведь. Он равнодушно посмотрел на людей, зашел в речку и уселся в воду.

— Он что, мыться собирается? — прошептала Ксения.

— Да черт его знает, может, и мыться.

— Ты так спокойно об этом говоришь, неужели не боишься?

— Я знаю, когда бояться надо. На Счастливой горе я их всех выбил, там нам бояться нечего. И здесь нечего бояться, потому что лето, медведь сыт. А ну, вали отсюда! — закричал Алексей и пошел к мишке. — Вали отсюда, кому говорю!

Медведь посмотрел на Алексея, поднялся и послушно пошел в лес.

Алексей рыбачил ровно на том месте, где только что сидел медведь, и скоро вернулся с рыбой.

— Ты посмотри, какой хариус! — Он бросил улов около костра. — Давай сегодня ушицы сварим? А то я на мясо уже смотреть не могу. Или еще проще — запечем? Выбирай!

— Запечем, конечно! — засмеялась Ксения и обняла мужа. — Медведь пришел, посидел и ушел. Умел бы еще по-человечески разговаривать, поговорили бы.

— Так ты со мной все время разговариваешь!

— Вот именно, что все время. Ты мне, наверное, все рассказал о себе, а про военную гимназию три раза. И я рассказала все. Говорить теперь не о чем. А я с людьми хочу разговаривать, и чтоб от меня дегтем не воняло, и не по камням лазать, а по улице ходить, и чтоб у меня подружками были люди, а не рыси. А еще я танцевать хочу! А ты меня в плен заточил! Я здесь как на каторге! Печь, дрова, рысь на кровати, лучина, и все время тебя жду! Жду и думаю: придешь — не придешь, а вдруг что случилось, а вдруг поймали, а вдруг зверь задрал. Это что, жизнь? Где дворец? Где ковры заморские, где слуги? Грязь кругом, холод, тяжеленные ведра с водой... и тоска. Мы искали свободу, а попали в тюрьму!

Вдруг зашевелились кусты, и появилась морда медведя. Видимо, он учуял запах рыбы. Неожиданно и зло Ксения выхватила из костра горящую головешку, и со всею силой кинула в медведя, и заорала что есть мочи:

— И ты еще шляешься здесь! И без тебя тошно!

Медведь ринулся прочь напролом, аж лес затрещал, а Ксения села, опустила голову на грудь и заплакала.

Алексей погладил жену по голове.

— Хочешь, я тебе самогонки налью? У меня есть, я ношу с собой, если что случится — рану промыть или тоска заест. У одной старушки купил, первачок, пьется как вода родниковая.

Алексей достал откуда-то стеклянную бутылку с сивухой и налил в деревянную плошку.

— На, Ксюша, выпей, полегчает.

Ксения приняла плошку и выпила содержимое с каким-то злым наслаждением, будто яд пила, назло судьбе и ему — мужу. Алексей принял из ее рук пустую плошку, черпнул воды из ручья.

— Запей, самогонка горячая! Я ее поджигать пробовал, так она горит синим пламенем, огонь поднести не успеваешь — вспыхивает.

Ксения выпила воду, утерлась и засмеялась.

— Точно, горячая! А медведь где?

— Не знаю, убег, наверное.

— Убег? Алексей Павлович, учитеесь говорить правильно. «Убег» — это еще что за слова? Это я тебе в обраточку, ты меня все эти годы шпыняешь, а сегодня мой праздник! Я сегодня гуляю!

— Ксюша, ну ты сегодня и правда разошлась не на шутку... Давай рыбу жарить. Сегодня уже столько событий: и медведь, и ты впервые увидела, как золото моют. И у нас, смотри, какая замечательная рыба!

Ксения задумалась, переставила чашку на плоском камне, приспособленном вместо стола, поправила нож, развернула тряпочку с хлебом.

— Давай, еще налей! Напьюсь сегодня! Напьюсь, золото у тебя отберу и к людям уйду.

Алексей понимал, что устала женщина, что не только ей, а и всякому человеку нужна отдушина или скандал, чтобы не копить в душе, пусть лучше выплеснется, и по себе знал, что жить потом легче. Но что он мог

ей предложить? Большевистская власть крепла, начали организовывать прежде коммуны, а теперь какие-то колхозы. Потом объявили новую экономическую политику, и опять появились буржуи. Правительство объявило электрификацию страны, всюду строились электростанции, заводы и фабрики. Что будет завтра, никто не знал. Алексей покупал газету «Правда» и всякий раз жадно вчитывался в статьи, пытаясь предугадать будущее. Но в «Правде» писали уверенно, что старого режима уже не будет. А как приспособиться к новому, Алексей не знал. Всякий вариант наткался на его колчаковское прошлое. А Колчака в Сибири люди ненавидели лютой ненавистью. И всему виной кровавый след колчаковцев по всей Сибири, тысячи и тысячи ограбленных и убитых. Даже про белочехов столько не говорили и не писали, сколько о Колчаке, хотя и те творили грабежи и убийства. На каторгу вместе с Ксенией Алексей не хотел.

К вечеру закончили мыть золото. Ксению стал покидать хмель. Алексей нарубил веток, сверху бросил медвежью шкуру. Они укрылись норковым одеялом. Но одеяло Алексей пустил негодные для сдачи в заготконтору шкурки, но от этого оно не стало тяжелее или менее теплым.

Ночью Ксения проснулась от шуршания в кустах, и первая мысль — медведь! Она затаилась, напрягая слух. Но вот опять! И опять! Потом тишина, будто кто скребся или подбирался к ним. Она встала, подбросила дрова в угли, тут же в ответ вспыхнул огонек, один, другой, и скоро яркое пламя начало поедать сухие веточки. Все время Ксения слушала ночь, но было тихо. На небе ни звездочки, не было и ветра, кругом стояла мертвая тишина. Она успокоилась и вновь легла около сопящего Алексея. Скоро шорох и поскреб повторился. Да так отчетливо и громко, что Ксения прежде подняла голову, огляделась, а потом прижалась к мужу. И вдруг услышала громкое урчание в его животе. Как?! Это все из-за того, что Алексей под первачок сожрал — не съел, а именно сожрал — три сырые рыбины и теперь эта рыба маялась у него в животе?!

— Боже мой! Я рычание медведя перепутала с урчанием живота! — Ксения отвернулась от супруга и тут же крепко уснула.

Развод

(Июль 1927 года)

В Егорьевском Алексей познакомился с человеком, который скупает золото, что само по себе отрадно. Но в Маслянино он вышел иной дорогой, и причина была. Скупщик очень легко согласился на довольно-таки высокую цену за грамм золота, забрал все, что было у Алексея при себе, ненароком поинтересовался о дальнейшем пути, добродушно угостил рюмкой водки в местном шинке и быстро ушел. Береженого Бог бережет, решил Алексей и вышел в сторону Маслянина в тот же миг, но не коротким путем, а, оставив у знакомого чатского⁹ татарина

⁹ *Чаты* — малочисленная группа сибирских татар, проживавших по берегам рек Обь, Чик, Уень, Чаус с VIII века, в том числе на территории современной Новосибирской области.

лошадку, выпросил у него обласок¹⁰, чтобы сплавиться из Егорьевского по реке Суенге до села с тем же названием.

Нынче Суенга была полноводна и стремительна. Алексей скоро научился умело управлять единственным веслом, похожим на деревянную лопату, которой рачительные хозяйки подают хлебы в печь.

Суенга протекает по дремучим лесам сказочного царя Берендея. Алексей знал такой лес под Москвой, но там не было той дремучести и непроходимости, какую он встретил здесь, на гребнях Салаирского кряжа. Стремительное течение и частые пороги заставляли грести и править легкой долбленкой непрестанно, иначе можно было налететь на скалистый берег или большой валун, выступающий из мутной глубины стремительной речки. Обильные дожди наполнили реку водой и испортили ее нрав весенним паводковым задором. Из береговых скал росли березы и сосны, но то по левому берегу, а справа — густые кусты ивняка, ракит, вербы, черемухи и редкие, но громадные ветлы, нависшие черными стволами над шумливой рекой, которая блистала перекатами и плевалась грязной пеной на порогах. Сказочная красота стремительной Суенги за каждым поворотом открывала новые и неповторимые пейзажи: то крутой бок белой горы, то угрожающий острием выступ скалистой породы, а то многоцветье горных трав, устилающих летним ковром обширный и пологий склон. Сказочная страна Салаира, дремучие просторы сибирского Берендея. Сплав занял около трех часов, так быстра была дорога.

В селе Суенга Алексей оставил легкий обласок у знакомого хозяина, а дальше зашагал напрямки в Маслянино. Как и рассчитывал, попал в воскресный торговый день. Деньги были, но много не купишь, — впереди обратная дорога, с обласком на спине.

В избе-читальне начиналось мероприятие, которое называли «Живая газета», а до спектакля предложили агитлекцию о достижениях Советского Союза. Вот тут-то Алексей и узнал, что в Стране Советов строятся заводы и фабрики, организованы тысячи колхозов, развивается артельное движение. Новониколаевск еще в прошлом году переименовали в Новосибирск. В городе начали строить центральный водопровод и канализацию, заработало радио, недавно открыли первый радиоузел, введены в строй первые мощные агрегаты по пятьсот киловатт на ТЭЦ-1, и жителям города массово проводят свет в жилые дома! От Новосибирска до Мочища начали строить каменную дорогу. Рассказали и о происках капиталистов, которые станки для заводов продают только за пшеницу, потому что на мировом рынке она сильно упала в цене. И положение у Страны Советов безвыходное: страна находится в изоляции, а своих станков пока еще нет. Там же Алексей узнал, что главная задача государства — счастье народа. Так сказал Сталин. И все вдруг встали и запели «Интернационал»¹¹, их никто не заставлял и не подговаривал. Алексей стоял вместе со всеми и не мог понять, что случилось с людьми. За семь лет страна изменилась.

¹⁰ Обласок — легкая сибирская лодка-долбленка.

¹¹ «Интернационал» — международный пролетарский гимн; гимн коммунистических партий, официальный гимн РСФСР (1918—1944 гг.) и СССР (1922—1944 гг.).

Алексей смотрел вокруг, и ему казалось, что люди теперь не живут, а празднуют жизнь. Девушки ходили по Маслянину в красных косынках, дети в красных галстуках нестройно, но старательно маршировали колоннами под бой барабана и хрип медного горна. Он чувствовал себя на обочине дороги, он что-то пропустил, очень важное. И Алексей решил непременно разобраться в том, что же сказала и сделала советская власть, почему люди стали жить и радоваться этой жизни, мечтать и вершить неслыханное.

Обратная дорога заняла много времени, но ни тяжесть покупок, ни обласок на спине не могли испортить Алексею настроение, он был таким же удивленным и восторженным, как и люди в Маслянине.

В Егорьевском он ночевал все у того же гостеприимного татарина, а утром, прикупив необходимое, запряг свою клячу и заспешил на Счастливую гору.

Вернувшись домой, он, к величайшему удивлению, обнаружил у порога ворох своей одежды. Шуба зимняя, телогрейка, шапка и портянки с сапогами были разбросаны по всему двору, мелочь вроде рубашек и подштанников, туго завязанная в два узла, валялась тут же во дворе. По расположению вещей было видно, что их выкидывали из дома с разным, но злобным настроением.

Алексей стоял посереде двора, когда отворилась дверь и на пороге появилась Ксения.

— Ну что, бабник! Вернулся?

— Ксюша, ты о чем? — удивился Алексей. — Какой бабник? Я же в Маслянино за одеждой, за продуктами ездил. И потом, зачем мне женщины? У меня ты есть!

— Видишь ту гору? — показала Ксения. — Она свободна. За лето лачугу себе построишь, а я здесь жить буду.

— Какую лачугу, Ксюша? Что ты выдумала?!

— Лачугу не сможешь, тогда нору рой! Или вообще вали к своим бабам! Гад! — И Ксения с силой пнула по узлу с бельем.

— Точно, в бабу бес вселился! — Алексей посмотрел в небо. — Я пошел, всё. Завтра буду.

— Куда ты пошел? Опять начал!

— За попом пошел, беса из тебя изгонять будем.

— Это из тебя беса изгонять нужно! Бабник! Стервец! Пакостник!

Алексей схватил Ксению, прижал к себе и поцеловал в губы.

— Никто не люб мне, кроме тебя. Нет, и не было, и не будет у меня иных женщин, а только ты! Ты и больше никто!

А вечером, сидя на «троне», он утешал ее.

— Это, Ксюша, от тоски, от одиночества. Я понимаю тебя, но взять тебя с собой к людям — это выдать нас. Ты же девушка красоты неписанной, всем запомнишься.

— А ты гулять с чужими бабами не будешь?

— Не буду, клянусь! Никто мне не нужен, только ты.

Вещи Алексея, раскиданные по двору, собирали уже утром, по холодку.

Таинственный огонь

(Август 1927 года)

Срываться, и совсем не по делу, Ксения начала довольно часто, скоро редкий день проходил мирно. Алексей терпел. Он все понимал, но не в его силах было изменить сложившиеся обстоятельства. Быт напоминал борьбу за выживание, которая проходила под страхом разоблачения и расстрела. Всякий выезд в села был событием, и Ксения, провожая мужа, была готова к тому, что это может быть их последнее расставание. И была у них договоренность, что если Алексей не возвращается неделю, то Ксения уходит. На этот крайний случай Алексей показал Ксении тайник с золотом.

В тот день к вечеру они вышли отдохнуть после дневных забот по хозяйству, уселись на «трон» — перевернутую колоду, как вдруг склон противоположной скалы опять загорелся желтым оком.

— Смотри! Он! — закричала Ксения.

— Это огонь, Ксюша. Чего ты боишься?

— Это сам сатана смотрит на нас.

— Нужны мы ему.

— Смотри, он мигает!

— О господи! Завтра же пойду на тот склон, найду этого сатану и приволоку его на привязи к тебе. Хорошо?

— Хорошо, но лучше убей его и закопай!

— Хорошо, закопаю.

— Но только чтобы он больше никогда за нами не следил!

И вдруг огонь исчез.

— Вот видишь, он испугался! Так если он тебя боится, то ты почему его боишься?

— Не знаю, мне страшно, когда он смотрит.

Алексей был снисходителен к женской логике и потому не спорил, а наутро отправился на соседнюю гору выполнять наказ жены. Предстояло прежде спуститься вниз со своей горы, преодолеть болотистую долину, а потом уже карабкаться вверх треть версты, не меньше. Напротив сопка крутая, плотно заросшая пихтачом, осинником и березой, видно две осыпи. Алексей внимательно разглядывал гору, мысленно прокладывая маршрут. В конце концов ему самому было интересно, а что же там могло блеснуть или гореть.

В то утро Ксения с особой нежностью и вниманием собирала его в поход к «сатане». Приготовила кусок мяса, хлеба, воды. Ожидать возвращения можно было только к вечеру.

В Сибири осень приходит рано. Прежде лес начинает цвести робкими полутонами, а позже — яркими красками, вобравшими в себя все чудеса лета: и тепло, и жару, и солнце, и влажную пыль хмельного дождя, и раскаты грома, и синь перекормленных туч. В осени расцветает золото березы, черемухи и поникших трав, рядом ярко-желтый клен и красная рябина, янтарем светятся оранжевые кустарники, и все это многообразие и праздник цветов подчеркивает вечнозеленый ельник.

Алексей не хотел брать ружье.

— Ну что я его буду таскать? Если медведь, так я его и так шугану, а от прочих у меня Рус есть.

Но Ксения была непреклонна.

— Не на медведя, на сатану идешь, — говорила она.

Алексей взял-таки ружье, но оставил его, повесив на суку недалеко, но невидимой березы. До места Алексей добрался — солнце еще высоко было. Он облазил намеченный участок, но ничего не увидел. Здесь не ступала нога человека. Трава, кусты — все в девственном состоянии. Что говорить жене, он не знал, прийти с пустыми руками тоже как-то было неправильно. Тогда, спрашивается, зачем ходил?

Он сел на выступающий из земли камень, достал из наплечной сумки еду. Пока жевал, разглядывал округу. Да, напротив Счастливая гора, площадка перед домом, но самой заимки не видно. Грамотно все сделал дядя Иван, умный мужик.

И вдруг Алексей увидел на сосне перед собой, недалеко от камня, на котором сидел, старый затес: он заплыл смолой, его практически не было видно, но затес был. Алексей ножом очистил зарубку на стволе. Зачем она здесь? Понятно, что она метила конкретное место, и, если кто-то, даже пусть тот же дядя Иван, сделал ее, значит, не просто так. Уж точно не дорогу метил, потому что все кругом видать и заблудиться здесь невозможно. Значит, надо искать то, ради чего помечалось это место. Не переставая жевать, Алексей начал обследовать округу. Он встал на камень, на котором только что сидел, и стал осматриваться, но все было безупречно: склон, трава, местами мелкая осыпь и величественные сосны. Чистый сосновый лес! Прозрачный и сухой. Да, склон достаточно крутой, но и все, никаких тебе выступов скал или углублений.

И вдруг еще один затес! Ровно на таком же расстоянии, что и первый, но только с противоположной стороны! Алексей спрыгнул с камня, очистил зарубку от смолы, вновь забрался на камень и стал осматривать сосны, нет ли еще таких же меток. Скоро он очистил еще две.

Итак, лихорадочно соображал он, есть четыре метки, ровно с четырех сторон, четко на север, на юг, восток и запад. Это компас? Зачем компас в лесу, если и так все понятно? Значит, не компас, значит, что-то иное! Но что? Значит, помечалось место. Место со всех четырех сторон, а в центре — тот камень, на котором он стоит!

Алексей спрыгнул с камня, рукавом смахнул с него листья, упал на колени — и увидел свое отражение. Это была выступившая из недр земных слюда, именно та слюда, из которой дядя Иван или тот, кто строил заимку, и сделал окно! И именно эта слюда отражала солнечный луч, и он мигал в отсветах заходящего солнца. Сколько переживаний, страхов, а ответ простой.

Алексей отколол кусок слюды — он разбирался очень просто на тонкие и прозрачные пластины, — положил в мешок и заспешил домой.

Сатана был изобличен.

Неожиданная весть

(Октябрь 1927 года)

Узнав причину таинственного огня, Ксения успокоилась, повеселела и даже перестала затевать разговоры об одиночестве, но Алексей все чаще начал улавливать от нее запах перегара. Он оставлял риски на четвертной и видел, как мутноватая жидкость сивухи ежедневно понемногу, но убывала. И когда попытался поговорить об этом с Ксенией, получил такой отпор, что больше и не помышлял приструнить жену. И даже нашел в том признаки примирения: она не устраивала ему истерик про одиночество, а он не замечал ее пьянства.

Они по-прежнему вечерами садились на колоду, порой на горе напротив вспыхивал огонь, но Ксения уже радовалась его появлению. Иногда они выпивали вместе, и тогда над долиной и многими просторами текла песня:

Домик стоит над рекою,
Пристань у самой реки;
Парень девчонку целует,
Просит он правой руки.

С припева подключался Алексей, и у них получалось очень слаженно:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Но количество выпитого увеличивалось, и теперь Алексею приходилось ездить в Коурак за сивухой к местной бабке и покупать не одну, а три бутылки. В то же время борьба новой власти с самогонварением не ослабевала, и цена на хмельной напиток росла.

Ксения если прежде и причесывала свои длинные и прекрасные волосы, то теперь уже не старалась, а однажды, вернувшись с охоты, он с ужасом увидел ее косу на табурете.

— Зачем? — только и спросил он.

— Надоело, все равно здесь никто меня не видит. — И вдруг заплакала, взяла косу и прижала ее к лицу. — Разве я думала, что моя жизнь так сложится? Ни дома, ни семьи, ни мамы с папой, ни подружек! Один ты — постылый!

Он вышел из дома, сел на колоду. Ему нечего было ответить. Он действительно испортил человеку жизнь. И свою тоже, и ее. Думал — спрятался с любимой, старался, вил гнездо, радовался жизни и свободе! А где она, эта свобода? Правильно Ксения сказала — тюрьма.

Сзади подошла жена, обняла его.

— Прости меня, это от тоски сорвалось. Люблю я тебя.

Она села рядом, прижалась к нему.

— У меня тайна есть, и я не знаю, как тебе об этом сказать. И не знаю, хорошо это или плохо.

— Что за тайна? И какая здесь, в тайге, тайна может у тебя быть? К ним подошли Рос и Рус и улеглись у ног, кисточки на их острых ушах изредка вздрагивали.

— У меня скоро будет ребенок.

Ошарашенный новостью Алексей повернулся к жене, потом встал, взялся за голову и закричал так, что рыси отскочили от него:

— Господи! Ксюша! Почему у тебя? У нас будет ребенок! Вот счастье-то! Ты понимаешь, что сейчас спасаешь не только меня, но и себя!

— Я даже и не знаю, хочу ли я ребенка, — неожиданно призналась Ксения.

— Конечно, хочешь! О чем ты, любимая?!

Алексей начал плясать, притопывая, приседая и приговаривая:

— Я буду отцом! Я буду отцом! — Остановился, запыхавшийся и совершенно счастливый. — Понимаешь, у нас будет самый красивый ребенок в мире! — Он опустил перед нею на колени. — Прости меня, Ксюша, прости! И спасибо тебе, милая! За неблагодарных Бог благодарит.

— А зачем нам дети? — вдруг опять спросила Ксения.

— Как зачем? О чем ты спрашиваешь, я даже не пойму.

— Ладно. Вот смотри, родятся дети. Для чего? Чтобы жить как мы? Как звери лесные? Зачем? Они будут так же, как мы, лазать по сопкам, питаться саранками и черемухой, ловить птиц, охотиться на косуль и зайцев и жрать их! Зачем?

— Но так живут люди!

— Так живут звери! Или ты скажешь, что золото не интересуется зверей, а нас интересуется и потому мы люди? А зачем нам золото?

— Ксюша, ты не права!

— Почему не права, скажи!

— Потому что не права, и все! Все, что ты говоришь, не так.

— Нет, я говорю так. Все правильно я говорю! У наших детей, как и у нас, нет будущего. Есть только настоящее, мы всегда живем заботами о настоящем. У нас есть прошлое, но у нас и наших детей нет и не будет будущего. Нет главного — ради чего мы живем. Ты мне можешь сказать, ради чего мы с тобою живем? Для чего нам такая жизнь?

— Не сердись, Ксюша, не сердись, пожалуйста. Мы живем ради того, ради чего живут и другие люди.

— А ради чего они живут? Не можешь ответить, потому что боишься сказать правду. А я скажу! Люди живут ради счастливого будущего, а у нас этого счастливого будущего и не предвидится. Нет его даже в мечтах. Ты приносишь газеты, я читаю. Ты научил меня читать, и я читаю. И вижу, что там, в той несправедливой, дикой, жестокой жизни есть счастливое будущее, есть мечта о нем, а у нас — нет.

Алексей молчал, боясь вызвать гнев жены.

— Принеси мне самогону, — сказала она.

Алексей безропотно встал с бревна и ушел в жилище. А Ксения не запела, а завывала громко и почему-то зло:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Когда стемнело, Алексей увел в дом изрядно выпившую жену. Она шла покачиваясь, повисала на его руках и громко смеялась. А когда улеглась, скомандовала:

— Иди ко мне!

— Ксюша, ты бы уже спала, устала же.

— Молчи! — приказала она, и вдруг капризным голосом позвала: — Ле-еша! Ну, иди ко мне!

Первое мая

(1 мая 1928 года)

В тот год весна разлеглась на горных склонах, вскарабкалась на вершины сопок, проникла в долину, погрелась там на солнышке и растопила остатки остекленевшего снега в тайных морщинах Салаирского кряжа. Там, где особенно было уютно, проклюнулась трава, робкая и светло-зеленая, ручьи разлились широко, безбрежно, заглянув во все укромные пределы, а вода блестела, отражая яркое солнце, но бесцветно, потому что еще не пришло время родиться листе.

Доехать до Коурака теперь можно было только за весь световой день, так далек был объезд вокруг заливных лугов и болот. Алексей отправился, когда чуть забрезжил рассвет, но в село прибыл — уже смеркалось, однако вешний путь и болотистые западни запомнил, а значит, обратный путь пойдет веселее. Ночевал у знакомой самогонщицы, утром заехал на базар, затарил оскудевшие за зиму съестные припасы и, стараясь не маячить на глазах воскресного люда, заспешил домой.

Проезжая по селу, заметил большие перемены. Кругом висели плакаты, посвященные празднованию Первого мая — Дня Интернационала¹². На каждом доме красные флажки. Выезжая от базара в сторону заимки через проулок, подъехал к широкой улице, чтобы пересечь ее и уже покинуть село, как вдруг дорогу перегородила колонна людей — они шли в сторону поселкового совета. Впереди, над колонной, возвышался транспарант «Да здравствует 1 Мая!», за ним шли дети в красных галстуках с барабанами и горном. Горн гудел, барабаны били: тра-та-та-та, тра-та-та-та! За пионерами люди с красными флагами, тут же над ними транспаранты с лозунгами: «Выполним заветы Ильича!», «Мир! Труд! Май!» и совсем непонятный: «Долой империалистов из Китая!» При чем тут Китай, китайский империализм и жители Коурака? Кто услышит? Империалисты Китая? А если услышат, то уйдут? От страха? В панике,

¹² До 1972 года в СССР праздник Первого мая носил название День Интернационала, затем был переименован в День международной солидарности трудящихся. В современной России отмечается как Праздник Весны и Труда.

что приедут коуракские мужики и набьют им морду? Эти вопросы мелькали в голове Алексея, пока он смотрел на колонну идущих мимо людей.

Потом в толпе демонстрантов Алексей увидел мужика с гармошкой, тот шел и играл задорную мелодию, а люди вокруг него плясали. Чуть поодаль, под красной растяжкой с надписью «Сельхозартель “Красный партизан”» пели «Интернационал».

— Что это? — спросил удивленный Алексей другого мужика, такого же невольного зеваку, как и он сам.

— Демонстрация! — авторитетно заявил тот. — Живешь в своей деревне, лапоть, и ниче не знашь.

Народа шло много, наверное, тысяча, а то и две тысячи человек. Дорога была еще свежая, ее размесили, но все шли в сапогах, и грязи никто не замечал. Когда демонстрация прошла мимо, мужик по-деловому сказал:

— Айда! Теперь ехай куды хошь.

Будет что рассказать Ксюше, думал Алексей, новостей море.

Еще вчера от самогонщицы узнал, что «Сталин — отец народов и защитник всех обиженных». Что идет первая пятилетка, началась индустриализация и коллективизация, а кулаков отправляют «за болото». На полях появились трактора, а в Коураке собираются построить МТС — машинно-тракторную станцию. При царе, понимал Алексей, такого бы никогда не случилось. Что-то пошло не так, советская власть устояла, более того — страна развивалась и строилась. И никогда он не видел столько улыбок, люди много улыбались и чувствовали себя счастливыми. И вот это ощущение праздника витало в воздухе, и не только сегодня — в день непонятого праздника Первого мая. И еще, вот этот лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Зачем и для чего, Алексей понять не мог.

Смерть не жалует никого

(1—2 мая 1928 года)

К заимке Алексей подъехал уже потемну. Ксения не вышла его встречать, не вышел и Рос. Он распряг лошадь, пустил к воде и овсу, вошел в дом. Горела лучина, Ксения лежала на кровати. Он подошел к ней.

— Ксюш, приболела?

— Да, Лешенька.

— Ты вся горишь!

— Леша, я, кажется, дитя не уберегла.

— Почему? С чего взяла?

— Вчера я упала, а он теперь не шевелится. Я, наверное, мертвого рожу.

— Да ну что ты такое говоришь! Ты поспи, успокойся, и все будет хорошо. Усни. Я не буду тебе мешать, на лавке лягу. Спи, родная, все будет хорошо.

— Обними меня, Лешенька. Какой ты хороший. Я так благодарна судьбе, что мы вместе. Ты такой заботливый, ты такой добрый. Я посплю и проснусь, и дитя наше проснется.

Алексей не стал тушить лучину, оставил гореть на всю ночь. Приготовил плошку с водой и поставил на табурет у кровати.

— Ксюша, ты водички больше пей, при температуре это первое средство.

— Хорошо, любимый.

Это были ее последние слова. Утром Алексей нашел ее мертвой. Она лежала, сложив руки на груди, глаза закрыты, а губы сжаты, будто понимала, что умирает, и подготовила себя к приходу смерти.

Алексей убрал с табурета плошку воды, выплеснул ее на пол. Сел, осмотрелся, глянул на Ксению, будто чего ждал. И замер бездумно, просто замер в непонимании, как теперь ко всему этому относиться: к себе, к мертвой жене, мертвому ребеночку, которого он так и не увидел, но который был здесь, вместе с ним, в этой комнате. Их было трое!

К полудню он взял кирку и лопату, остановился на площадке около колоды. Здесь же он определил восток и начал копать могилу. Прежде шла глина, потом она смешалась с песком и гравием. Он долбил грунт, потом зачищал лопатой, опять рыхлил каменную смесь с глиной и зачищал. Он копал шурф не для того, чтобы взять, а для того, чтобы отдать!

Алексей не знал, почему людей хоронят головой на запад, а кресты ставят в ногах. И это было неважно. Он выкопал могилу глубиной в свой рост, зачистил дно до идеальной глади, потом застелил это дно медвежьей шкурой.

Ксению он нес на руках. Положил на край могилы, спустился сам, аккуратно опустил ее, положил на шкуру, присел около и поцеловал в лоб. Все молча, без слез. Будто готов был хоронить Ксению давно. Поверх накрыл второй шкурой, а потом начал, стоя в могиле, сгребать грунт руками. Грунт сыпался, камни скатывались по ногам, но не били тело умершей. Когда шкура скрылась под землей, он вылез из могилы и засыпал ее полностью.

Он оставил маленький холмик, с тем лишь расчетом, что, когда насыпь осядет, могила сровняется с поверхностью земли и никто не увидит ее. Из березовых веток он выстрогал четыре палки: из больших сделал большой крест, из меньших маленький — и воткнул в рыхлый грунт там, где у покойницы были ноги.

Вынес бутылку с сивухой, плошку и кусок вяленого мяса. Сел на «трон». На горе напротив загорелся таинственный огонь, золотой огонь Салаира.

Алексей улыбнулся ему:

— И ты пришел попрощаться?! Спасибо. Всё не один! Помянем ее, брат?!

Налил плошку и выпил, утер замоченные сивухой усы, откусил мяса и начал мерно жевать. Выпил еще и еще, тупо и бездумно. Нет, он думал, но как-то отрывочно, так думают ни о чем. Потом зачем-то встал на колени, подровнял края могилы и сильнее втолкал в землю кресты. И вдруг оцепенел от мысли, что у младенца нет имени. Он даже не знает, кто умер — мальчик или девочка. Он ужаснулся этой мысли.

Вернулся на колоду-трон, и ему стало обидно, просто по-детски обидно, и вырвалось, вырвалось с криком боли и слезами:

Домик стоит над рекою,
Пристань у самой реки;
Парень девчонку целует,
Просит он правой руки.

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Вдруг прервал песню и заорал что есть мочи:

— Сука!!! Сука!!! Сука!!! — и заплакал. — За что мне такая жизнь?!

Сука ты, а не судьба! Сука ты! Сука!!!

Вернись!

(1929 год)

После смерти Ксении он перестал опасаться за свою жизнь. Лошадь сдохла, и до Коурака он ходил пешком, покупал продукты, книги и не спеша возвращался на заимку. Коуракский коопторг оставался главным кормильцем. Прежний управляющий ушел на пенсию, но пришел новый, который не отказывался ни от шкурки, ни от самородков, правда, хитрил нагло, не в пример предшественнику. Но жить можно было.

Голова и борода поседел, обрели неопрятный вид. Теперь трудно было в нем узнать стройного и красивого поручика, годы и жизнь в тайге сделали свое разрушительное дело. Походы к самогонщице стали постоянными, она не отказывалась брать в уплату золото песком или самородками, с просьбой возвращать тару. Летом случалось, когда он за день не мог добраться до дома и ночевал в поле, совершенно пьяный и беспамятный. Закусывал листьями березы и сочными травами. Он похудел так, что одежда висела на нем, как на крючке.

Однажды, выйдя из дома опьянелый, он вдруг увидел, что могила провалилась, обозначив глубокую прямоугольную яму. Он упал на колени, подполз к провалу и заглянул вглубь. Могила была пуста! И вдруг он догадался, что Ксения ушла от него. И он заплакал. И плакал горячими слезами, так горько, что скоро вокруг могилы собрались все звери лесные: зайцы, лисица, два волка, умершие рыси Рос и Рус, и даже медведь присел на край могилы и свесил лапы.

Он плакал, и звери завывали. Он просил, захлебываясь слезами, чтобы Ксения вернулась, и все звери просили Ксению вернуться в свою могилу. Когда утром он проснулся, могила была ровной, никакой ямы не было. И Алексей понял, что было с ним, и тут же у могилы поклялся не пить, а если опять напьется, то пусть его заберет смерть. Клятва сильнее жизни.

Ошибка

(1930—1939 годы)

Неожиданно и резко жизнь Алексея изменилась. Он перестал пить, привел себя и жилище в порядок, занялся заготовкой продуктов и охотничьих припасов на зиму, но главное — погрузился в изучение философии, а более всего — полного собрания сочинений Ленина в тридцати томах, которые появились в его библиотеке, а также основных работ Маркса. Кроме того, очень внимательно следил за публикациями и выступлениями Сталина. Он поставил целью понять, что произошло со страной, с народом, с властью. Где и что он пропустил и почему, еще недавно живя на гребне событий, вдруг оказался не у дел? Что не так?

Он заново организовал свою жизнь, теперь опять, как в казарме, все четко и по распорядку: подъем, быт, золотодобыча или охота, и обязательно три дня в неделю за рабочим столом.

При лучине читать было трудно, и потому он приспособился покупать свечи, а скоро и сам научился их делать. Фамилия Василия Лобанова, легендарного партизана, открывала перед ним любые двери. Он часто слышал о нем: Василий работал прежде в ОГПУ¹³, а теперь в НКВД¹⁴, боролся с преступностью и врагами советской власти. Но лично с ним Алексей встречаться опасался.

Он читал книгу за книгой и скоро пришел к выводу, что требуется делать записи, — на его столе появились тетради, деревянный пенал, карандаши, ластик, чернильница, ручка с запасными перьями. Складывалась странная картина: на горе Счастливой сидит за столом, в бликах мерцающих свечей бородатый поручик Белой гвардии и изучает основы марксистско-ленинской теории построения мирового коммунизма.

В библиотеке отшельника скоро появились сочинения Льва Толстого и Федора Достоевского, а также Шпенглера, Гартмана, Канта, Гегеля, были доступны работы Абрама Деборина и Яна Стэна. Несколько лет изучения трудов умнейших и образованнейших людей принесли плоды. Алексей Левашов понял, что марксисты ошибаются, и ошибаются в главном!

В тот день, ошеломленный собственным открытием, он вышел из дома. Стоял тихий осенний вечер, округа была еще видна, но все небо усеяно яркими звездами. Алексей не верил самому себе, что ошибка марксистов лежит на поверхности. Так не бывает, думал он. Ленин — безусловный гений — и не заметил того, что марксисты, искажив учение Маркса, который сам наделал немало ошибок, в итоге увели своих последователей в дремучую глушь, выход из которой мог быть только в такой же дремучий и варварский капитализм! И полемика Ленина с физиком Эрнстом Махом тоже ошибка, причем обоих оппонентов. Не через ощущения познается мир, как утверждал Мах, а в диалектике

¹³ ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление, специальный орган государственной безопасности в СССР. Существовало с 1923 по 1934 год.

¹⁴ НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР, центральный орган государственного управления по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка. Действовал с 1917 по 1946 год.

познания физического мира и безусловной для человека духовной части. Душа человека не может изучаться законами физического мира, она вне этого мира, но именно она руководит человеком.

Скоро в его записках появились строчки:

«Ошибкой считаю неверное определение основы человеческого бытия между духовным и материальным. Маркс определил, что материя первична, а сознание вторично. Это неверно!

Да, человек живет в материальном мире, но принадлежит еще и духовному, божественному миру. Сознание его зиждется на духовных, то есть нематериальных законах, и контролируется Совестью, которая есть Бог, материализованный в физическом мире.

Не мог существующий вокруг нас мир и тем более человек стать результатом случайной комбинации триллионов атомов. Не мог человек произойти от обезьяны, потому что нет в мире полуобезьян, полупревращенных в людей, и быть не может. А вот людей, опустившихся до полуживотного состояния, мы знаем, мы с ними знакомы, но то проблема не перерождения, а нравственной, духовной деградации.

Животный мир живет по закону сильнейшего, и в этом его природная справедливость. Человек не может жить по закону сильнейшего, потому что он человек, то есть существо не материальной, а духовной основы. Если человек начинает жить по закону животного мира, он становится животным, страшным животным, потому что наделен большим, чем обычное животное, — духом. Дух на службе закона сильнейшего — это и есть анти-Бог, это и есть зло в самом крайнем и жестоком проявлении.

Дарвиновская теория происхождения видов путем естественного отбора нужна только капиталистам, чтобы оправдать свое право на эксплуатацию людей. Она делит людей на более развитых и менее развитых, а это дорога, ведущая к страшным последствиям. Все народы мира — это и есть наш единый и красивый человеческий мир, и у каждого народа свое предназначение и своя роль».

Алексею не с кем было полемизировать, вокруг глухая тайга, глубокое небо и мертвые книги на столе. А потому он продолжал размышлять, стараясь делать свои записки максимально краткими.

«Человек, живущий в материальном мире, понимает свою способность духовного изменения и понимает свою жизнь как духовный рост. И если физический мир неизменен, ничто не исчезает и ниоткуда не появляется, то духовный мир изменчив: человек может быть менее или более духовным, совестливым или бессовестным, и живет человек по закону нравственной справедливости, зависящей исключительно от духовного наполнения через воспитание и самовоспитание. Поступки человека, нравственные или безнравственные, мотивируются духовными ориентирами. Только такое понимание может объяснить столь нерациональные, с позиций мира физического, поступки, как подвиги и жертвы наших героев — защитников Отечества, такие свойства, которым название доброта, отзывчивость, сострадание, любовь».

Он читал мудрецов прошлого и современников, пытаясь между строк ухватить тайный смысл мироздания. Мысли поднимали его над

собственной горькой судьбой, но за окном были те же горы, так же невозмутимо шептались деревья, да иногда проблескивал золотой огонь Салаира. И Алексей сокрушался: «Ошиблись мы с Ксюшей, поверили в единоличное счастье. Попробовали жить без людей, но счастья не обрели. Без людского мира нет и не могло быть у нас будущего... Но ведь и мир несправедлив, отторгнув нас! Брат пошел войной на брата, и теперь я классовый враг, нет мне места нигде, кроме моей горы. Нет в том справедливости».

Алексей уже понимал, что если найдут его здесь, в горах, то там, на равнине, он предстанет перед судом не только как колчаковец, но и как человек, усомнившийся в теории первооснователей коммунизма — Маркса и Ленина! И его судьба будет предрешена. Но он продолжал писать. Собственно, этому была причина: он надеялся, что когда-нибудь его записки попадут в нужные руки и удивительный мир, построенный рабочими и крестьянами, будет спасен. Алексей Левашов стал социалистом. Черт возьми! Он понял, что коммунизм без Бога не построить! Без религии можно, а без Бога нельзя! А потому он продолжал заполнять отдельную тетрадку, которую назвал: «Трактат о Справедливом мире».

«Главный закон человека — закон Справедливости.

Как и все нравственные законы, Справедливость не подчиняется законам выживания, физическим законам и законам дикой природы. Справедливость подчиняется только Совести.

Справедливость — это вовсе не равное распределение трудодней и благ земных. Справедливость — это равные условия на право нравственного и духовного развития, в обществе, которое не делит людей на бедных и богатых, на своих и чужих, на нужных и бесполезных, потому что ни одна человеческая жизнь не может быть бессмысленной».

Далее в своих размышлениях Алексей писал:

«Отрицание духовного начала и торжество материализма станет причиной того, что со временем романтический период строительства общества социальной справедливости непременно сменится созданием общества несправедливого — капиталистического или феодального. Как бы ни были красивы идеи социализма, но, если они построены исключительно на фундаменте материализма, надо понимать, они непременно рухнут.

Человек — часть общества и всей его истории. И не прав один, когда хочет блага только себе, и не правы те, кто хочет осчастливить многих. Также не правы и те, кто решил построить новый мир на руинах старого, очернив и оболгав прошлое. Те, кто презрительно усмехнулся вслед своим предкам. Они не правы, потому что человек — часть земного рода, неотъемлемая его часть, он преемник и продолжатель. Всякий человек есть связующая нить между прошлым и будущим.

Социалистический опыт надо принять как великий опыт и попытку строительства социально справедливого государства, с полной благодарностью к тем, кто совершил этот подвиг. А если помнить

о человеческом бессмертии, то жертвы прошлых поколений есть часть нравственного наследия всего народа, всего человечества, которое мы не только вправе, но и должны сберечь».

Иногда Алексея лихорадило от ощущения первооткрывателя. Почему он не знал этого раньше? Почему открывает мир для себя только теперь, когда все потерял? Он не мог ответить, как и в полной мере объяснить, зачем ему эти открытия, если он социально мертв. Кому теперь нужен капитал его знаний? Знаний о том, что полюбившийся социализм уже обречен.

А в этом он не сомневался: «Социализм обречен. Большевики решили, что их философская концепция идеальна, безошибочна и единственно верна. Но именно отсутствие развития большевистской философии приведет к смертельному результату. Или, может, так и должно быть? Счастье, как и дитя, рождается в страдании матери. Так и Справедливость, как основа общества, рождается через муки поиска, противостояние и даже смерть. Побеждая смерть, поправ смерть, вопреки смерти!»

Огни

(1939—1940 годы)

И вдруг в долине, перед горой, ровно между двух речек, появились люди. Прежде поставили палатки, задымились костры, потом загрохотали трактора, машины, лес наполнился нездешним звоном пил, топоров и треском падающих деревьев. Несколько десятков людей деятельно копошились в глубокой долине, и скоро Алексей увидел стены первых домов. Они росли как грибы: удлиненные бараки, удлиненные цеха. Скоро загудел натужно и ровно генератор, и как по команде над поселком включился свет, а воздух наполнился визгом пилорам. Начали работать бригады заготовки и переработки леса. Тяжелые лесовозы увозили по разбитым дорогам кругляк, ровный брус и плаху куда-то в сторону Коурака.

Генератор работал с шести утра и до одиннадцати вечера. Обозначилась первая улица, дома еще строились, они стояли вдоль глубокой дорожной колеи, с открытыми ребристыми крышами, похожими на обглоданных рыббин.

В июле приехали машины с матрасами, комодами и детьми. В нескольких домах в окнах зажегся свет. На глазах строился новый поселок. Прежде запустили цех, затем контору, поставили барак для жилья, а потом уже начали строить школу и Дом культуры. Алексей стал спускаться в поселок, заходил в новый магазин. Снабжение хорошее, но принимать шкурки в обмен на продукты там отказались. Требовали деньги.

По воскресеньям из черной тарелки на столбе шла трансляция программ Всесоюзного радио на весь поселок. Сначала били московские куранты, потом звучал гимн. Что особенно поражало Алексея, так это когда диктор приглашал всех на утреннюю зарядку. Весь день играла музыка, сообщались новости со строек заводов, гидростанций. Страна

жила какой-то неведомой, но мощной жизнью: люди строили, пели, смеялись.

Седьмого ноября около конторы поднялись флаги и точно такие же транспаранты, как на празднование Первого мая, которое Алексей видел однажды в Коураке. Вечером в Доме культуры играла музыка, и уличные фонари светили до часу ночи.

К зиме поселок насчитывал около двадцати домов, две улицы и четырнадцать столбов с фонарями. Когда в октябре пошел снег, Алексей впервые увидел, как сияет поселок в размытых белых огнях уличного света. Он был очарован, ничего подобного он еще никогда не видел. Мерцающий в темноте свет напомнил ему зимнюю радугу в тот рождественский день, когда они с Ксенией остались на горе одни.

Так против кого он воевал? Его навязчиво преследовал образ расстрелянного партизана, который не хотел падать и которому Алексей напрочь, одним ударом снес голову. Да, он показал свою удаль. Кто помнит о ней? Никто. Никто, кроме него, и этот партизан стоит теперь перед его глазами всю жизнь. Получается, что партизан выстоял! Выстоял и построил Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Беломорканал, ДнепроГЭС, Уралмаш, Краматорский завод тяжелого машиностроения! Освоил Север! Построил Туркестано-Сибирскую железную дорогу и плотину в Узбекистане! Добывает нефть в Баку. И еще тысячи строек и городов, о которых Алексей никогда раньше не слышал и даже не знал, где они находятся.

Там, внизу, у самого подножия Счастливой горы жили счастливые люди.

Алексей по-прежнему охотился и мыл золото. К нему на гору люди не ходили, заготовка леса велась на соседних склонах, там, где рос красный лес — пихта, кедр и сосна. А Счастливая гора отличалась большим количеством осыпей и полян, на склонах росли осины, березы и елки, и потому, наверное, не вызывала интереса у заготовителей леса. И, конечно, он читал, читал и записывал свои мысли. Жизнь приобрела новые ориентиры и смысл. Кому нужны будут его записки, он не знал, но не делать их уже не мог.

Однажды, на Первое мая, Алексей расположился на «троне», послушал радио, посмотрел демонстрацию в поселке. День был ясный и теплый. После митинга и выступления руководителей страны по радио начался праздничный концерт. И вдруг объявили народную застольную песню «Верила, верю», в исполнении комсомолки-колхозницы из сибирского села Елшанки. От неожиданности Алексей вздрогнул и даже привстал с бревна. И потекла тонким и робким голосом Ксении песня над всей долиной, проникая во все распадки, ударяясь о насыпи Счастливой горы:

*Домик стоит над рекою,
Пристань у самой реки;
Парень девчонку целует,
Просит он правой руки.*

Алексей подхватил, вторя чистому голосу:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Он принес из дома бутылку с самогоном и выпил изрядно. Когда проснулся, то нашел пустую бутылку. Он сильно замерз, и весенняя земля высосала из него тепло. Утром его давил жар, а через несколько дней появился кашель с сукровицей. Он лечился подручными средствами, но скоро понял, что они не помогают: кашель усиливался, а крови отхаркивалось больше. Клятва сильнее жизни.

Подарок

(Август 1940 года)

В то утро, пришедшее после мучительной бессонной ночи, Алексей понял, что наступил его последний день. Он принял эту мысль спокойно, даже с каким-то вызовом и радостью, что наконец-то все закончится и, может быть, он увидится скоро с Ксенией и своим ребеночком. Он сложил два пудовых кожаных мешка с золотом на кусок шкуры медведя, закрепил ляжку из вожжей, перекинул через плечо и поволок свою поклажу в поселок.

Он шел к конторе начальника строительства. В легкой прозрачности далеко разносился стук плотницких молотков, на краю поселка визжала пилорама, натужно и ровно гудел поселковый генератор. Алексей вытянул поклажу в улицу и пошел среди строящихся домов по будущему проспекту Строителей.

Он присел отдохнуть на бревнышко около дома. Рабочие, как грачи, облепили решетку крыши. Они сноровисто крепили плахи перекрытия, ладили обрешетку, тут же подавали наверх волнистые шиферные листы. Увидев старика, присевшего около дома, решили сделать перекур. В любом коллективе рабочих всегда есть самый говорливый и веселый. И здесь был такой, молодой еще, худой, но с залысинками.

— Дед, говорят, ты многое знаешь? — спросил весельчак, прикуривая модную папироску «Север».

— Врут, — спокойно ответил Алексей.

— Тяжела ноша-то твоя? — веселил парень себя и своих товарищей.

— А кому и когда было легко носить золотые цепи? — ответил вопросом Алексей, поправил бороду и сдержал приступ кашля.

— Дед, это ты на той горе живешь?

— Нет, не я.

— Не хочешь говорить, не говори, мы и без тебя знаем. А как называется гора, на которой ты не живешь?

— Счастливая гора.

— А почему?

— Потому что там счастье похоронено. А вы, ребята любопытные, откуда будете?

— С Сузуна мы. Слыхал?

— Далеко.

— А мы сюда насовсем. Коммуной жить будем, — похвастался весельчак.

— Это как? — удивился Алексей.

— Это когда всем всё поровну, — ответил парень.

— Так не бывает.

— Бывает. Это ты старорежимный, а мы — коммунисты, потому что у нас коммуна.

— Так не бывает, — уперся Алексей.

— Так почему же не бывает? Поясни народу. — Весельчак повернулся ко всей бригаде, которая сидела тут же на обрешетке крыши и слушала разговор.

— Потому что одного чашкой похлебки накормишь, а другому и полведра мало. Один за смену десяток деревьев повалит, а другой и трех не одолеет, потому как ему Бог той силы не дал. Мы от рождения не равны. Но если у зверей побеждает сильнейший, то у людей должен самый умный, самый честный, самый талантливый.

— Ну, дед, ты завернул! И у людей бывает, что побеждает самый сильный, самый хитрый, самый подлый, самый нечестный.

— Верно, но то одичалые люди, люди со звериным сердцем. Это у них, у буржуев, побеждает самый подлый и жадный, а у нас — самый человечный человек. Но даже по доброте и совести мы разные, а оттого коммун, где всё поровну, не бывает и быть не должно. И это хорошо, есть возможность отстающим догонять лучших, а сильным поддерживать слабых. Коммуна — это не равенство, а взаимопомощь.

— Правильно дед говорит, — сказал невесть откуда появившийся пожилой мужчина. — Всегда у кого-то больше, у кого-то меньше, абсолютного равенства не бывает. Но мы равны в одном — в желании как можно больше сделать доброго и это доброе отдать людям. Теперь вы поняли, что такое коммуна? Правильно я говорю, старик?

— Умный ты человек, сразу видно, а молодежь не учишь.

— Учим помаленьку, не всё сразу. Не сразу Москва строилась — так говорят. Приходи к нам в столовую, накормим.

— Спасибо. А кто ты будешь, добрый человек?

— Начальник строительства, Ковригин.

— Хорошо. Иди, я сейчас приду. Вот посижу еще, отдохну, умных речей послушаю и приду. А то я все один да один.

— Хорошо. Приходи, только у меня сейчас заседание правления будет.

— Очень хорошо, — похвалил Алексей.

Ковригин погрозил пальцем плотникам на крыше, мол, чтобы старика не обижали, и пошел в контору поселка.

— Дед, а что ты такое волочешь непосильное?

— Золото.

— Два мешка?

— Вот видишь, уже считать научился.

— Да, — вздохнул хохмач и, поудобней усевшись на решетке крыши, с удовольствием начал новую тему, — мне бы мешочек! Вот бы зажил! Захотел — туда, захотел — сюда! Захотел мармелада-шоколада, а лучше водочки! Во жизнь! А, мужики? Как вам такая пропозиция?

— Глупость это, — усмехнулся старик.

— Кому глупость, а кому-то счастливая жизнь!

— А ты и впрямь дурак. То-то я от хорошей жизни золото иду сдавать вашему Ковригину.

— Нам-то сдавать нечего, а ты, видно, поумнел, — немного обиделся, но продолжал ерничать плотник.

— Поумнел, да поздно, — грустно ответил старик.

И вдруг все поняли, что старик говорит правду, у него действительно золото. Они устремили взгляды на шкуру, где лежали два кожаных мешка. Тем временем Алексей встал, перекинул лямку через плечо.

— Ну, будьте здоровы, а я пошел на заседание правления. — И поволол мешки к конторе, но вдруг закашлялся, потом отхаркнул кровь, постоял, отдышался.

— А ты, дед, не жилец, однако, — удивленно заметил хохмач.

— Не жилец. И все по глупости своей, все из-за нее, родимой, — согласился Алексей, налег на лямку, и шкура натруженно зашуршала по земле.

Правление

(Август 1940 года)

Товарищ Ковригин — старый большевик, прошел Гражданскую войну, был ранен, имел награды. Теперь возглавлял строительство поселка Пихтовый и замещал секретаря парткома, который уехал в Новосибирск на заседание обкома партии и за дополнительными лимитами на цемент. Секретарю так и было сказано: «Без лимитов не возвращайся».

Заседание правления шло в кабинете Ковригина, просторной комнате в два окна. На стене за начальственным столом портрет Сталина, под портретом сабля и шашка закреплены на стене крест-накрест. В углу шкаф с книгами, у порога большая вешалка на стене.

В кабинете за большим столом сидели человек восемь. Шел жаркий спор, бились за очередность возводимых объектов. Одни доказывали, что производственные площади в приоритете, а другие требовали строить прежде жилье, аргументируя тем, что, если будут люди, стройка пойдет веселее. Но в это время дверь открылась, и на пороге появился старик, белый, лохматый, с мешком в руках. Он молча прошел до стола и положил на него кожаный мешок.

— Товарищ, я же предупредил вас, что у нас правление. Приходите позже.

— Так я на правление шел. И не с пустыми руками. Вот подарок принес.

— Что это?

— Это золото, добытое в здешних местах. Если кого пошлешь, то там, у крыльца, еще один такой же мешок будет. Пусть кто принесет, тяжело мне.

И вдруг Алексей начал кашлять глубоко и бессильно. Он вынул тряпицу и сплюнул кровь. Потом рукавом утер вспотевшее лицо.

— Болею я. Принес, говорю, вам золото, чтобы строили поселок быстро и красиво. А мне оно уже без надобности. Помру я скоро.

В это время занесли второй мешок и поставили на стол рядом с первым.

— В каждом по пуду. — Алексей развязал один и толкнул набок, тот упал и рассыпал на столешницу золотой песок вперемешку с малыми самородками.

Ковригин подошел к мешку, набрал в руку золотого песка.

— Товарищи, а ведь действительно золото! — сказал он. — Кто вы, почтенный?

— Я Левашов Алексей Павлович, поручик Российской императорской армии! Живу на Счастливой горе.

— Подожди! А не ты ли это будешь? — Ковригин снял со стены саблю и приоткрыл лезвие, на котором было выгравировано два слова: «Алексей Левашов».

— Это мой прадед, который добыл эту саблю в бою с французами. Там еще есть надпись: «Пьер Шевалье».

— Вот это чудеса! Товарищи! Разве это не чудо, когда сабля прадеда встретила с правнуком?!

— На этой сабле много жизней, очень много красной крови, — сказал Алексей.

— И не только красной, но и белой, поверь мне, я воевал не хуже. А я помню тебя! Ты тот поручик, который своровал деваху в Елшанке, и мы тебя поймали, а вы оказались в сговоре, убили часового и угнали моего коня. Так или нет?

— Так и было, — удивился Алексей. — Так значит, это вы тот командир?

— Я. Командир эскадрона красных бойцов, которые шли на перехват карательного отряда адмирала Колчака, но поймали тебя. А где та красавица?

— Умерла. Не разродилась и умерла.

— Да, жаль, товарищи. Не поверите, девчонка была удивительной красоты! Такая красивая, что я до сих пор помню ее! — Ковригин закрыл саблю и повесил ее обратно на стену. — Крови пролили много и красной, и белой — это ты верно сказал.

— Нет красной или белой крови, есть русская кровь! — твердо поправил Алексей.

— Согласен с тобой, поручик Левашов.

— Товарищ Ковригин! Но ведь белая сволочь развязала Гражданскую войну!

— Да, это так. Но поручик Левашов прав, от этого кровь менее русской не стала.

— Товарищ Ковригин, — поднялся представительный мужчина с седой бородкой, — должен со всей ответственностью сказать, что считаю ваши слова провокацией, и намерен доложить вашу позицию на бюро райкома партии!

— Валяй, ты же сюда приехал не просто так, хочешь вынюхать нечто эдакое и доложить потом. А мы сюда приехали, чтобы строить новую и счастливую жизнь. Вы, товарищ инструктор райкома, саботируете это строительство тем, что делите нас, разделяете. А я предлагаю закончить Гражданскую войну здесь и сейчас и строить будущее вместе. Вот эта сабля прошла много войн, защищая нашу Родину. Да если б не она, смогли бы мы построить социализм? Если бы французы захватили Россию? Дальше надо уметь видеть, товарищ инструктор райкома партии, ваша близорукость и подобных вам товарищей приведет нас к расколу.

Все молчали. Что-то совсем новое прозвучало в словах Ковригина — легендарного командира Красной армии, коммуниста с 1914 года. Здесь и сейчас в одной комнате встретились прошлое и настоящее. Инструктор райкома резко встал, громко отодвинул стул, даже отшвырнул его в сторону, и вышел из кабинета. Ковригин посмотрел ему вслед.

— Вот иногда я думаю, от кого зла больше: от врагов России или от ретивых дураков?

— Но, товарищ Ковригин, — поднялся первый член правления, — это с вашей стороны демагогия чистой воды!

— Он хочет купить свободу! — показал на Алексея второй член правления. — Вы понимаете это, товарищ Ковригин? Он сейчас пытается нас купить! Советскую власть купить!

— Я никого не собираюсь покупать! Я хочу быть полезен людям! Вот и все, — горячо ответил Алексей.

— Только коммунисты могут быть полезны России и всему трудовому народу, — категорически заключил третий член правления.

— Глупость! Опять глупость! А наши предки, тысячи и тысячи лет истории, разве были коммунистами? А его прадед вот этой самой саблей не освобождал нашу страну от француза, не умирал за каждую пядь земли? Разве он был коммунистом? Нет, товарищи, все не так! — рубанул рукой Ковригин.

— Вы оппортунист, товарищ Ковригин. Вы перерожденец! — закричал первый член правления.

— Нет, товарищи, в первую и главную очередь я — человек, который тоже хочет быть полезен Родине и остаться в ее памяти навсегда. Я понял, что имел в виду господин Левашов. И сегодня мы делаем для Родины, для вечности и своего бессмертия очень много. Как это делали наши боевые товарищи, которые ныне покоятся в братских могилах. Они в это верили, как и мы теперь в это верим! Но сегодня мир, и потому мы учим в школах детей, защищаем их здоровье в больницах, мы создаем условия для талантов всякого живущего на нашей земле человека, чтобы он через свои дела, слова и поступки тоже стал бессмертным. Именно для этого мы строим социализм! И теперь я прямо

спрашиваю тебя, господин Левашов, зачем ты пришел к нам и принес это золото? Купить нас, покаяться или иная идея тобою руководила? Расскажи членам правления. Развей сомнения.

Все это время Алексей стоял у стола и молча слушал возбужденные речи членов правления поселка Пихтовый. И сейчас ему опять стало жаль, что он не жил среди этих людей, не участвовал в жарких спорах, как это происходило у сидящих за столом. Сейчас они пытались разобраться сами в своей жизни, они искали ответы на очень сложные вопросы. Как это было ново и неожиданно. Алексей утер мокрое лицо. Температура зашкаливала, отчего голова слегка кружилась. И он начал говорить:

— Так получилось, что мы с женой десять лет просидели на горе, которую называли Счастливой, однако счастья не обрели. Жена умерла, а золото осталось. Потом пришли вы. Я смотрел, как вы работаете и радуетесь жизни, я слушал ваше радио, наблюдал за вашей жизнью и понял, что золото без людей не имеет смысла. Я не знаю, как вам сказать. И причина всему — сам человек, дело только в самом человеке. Понятно, что одни условия позволяют сделать больше, чем другие, но главное — человек и его выбор. И я сделал свой выбор и пришел к вам. Я сейчас не про золото, я о том, что человек может жить только среди людей, а живя среди людей, он становится бессмертным. Я это понял там, на горе, сидя в полном одиночестве. Наверно, непонятно говорю. Без людей у человека нет будущего и нет вечности его делам, дела человека живут вне зависимости от человека, даже когда его уже нет. Через свои дела человек вечен. Понимаете? И я это понял! Золото я отдаю, чтобы оправдать свою жизнь. Пусть золото поможет вам построить город, дороги, паровозы, самолеты — они повезут людей, и в этом будет и моя с женой маленькая заслуга. Через сто лет поедет человек, он о нас ничего не знает, и мы о нем ничего не знаем, но в том, что он живет счастливо, будет и мое участие. Я не ищу больше бессмертия на небе, я понял, что бессмертие — в делах людей на земле.

Алексей опять гортанно закашлял, сплюнул в тряпочку сукровицу и продолжил:

— Скоро война, и вы об этом знаете лучше меня. Я уже не боец, но, может быть, танк, самолет или пуля, сделанная на эти деньги, попадет в сердце врага и убьет его. И в той пуле будет толика моего труда, моей жизни, моей вечности. Я скоро умру, как умерла моя жена и неродившийся ребенок, но я хочу, чтобы мы, моя семья стала бессмертной в делах на земле через вот это добытое нами золото. Золото отдаю на строительство... — И вновь тяжелый кашель.

— Может, вам в больницу? — спросил Ковригин.

Отдышавшись, Алексей вынул из-за пазухи серую тетрадку.

— Это вам, товарищ Ковригин. Посмотрите, я тут написал свои размышления о будущем.

— Что это?

— Записки. Прочтите, я хочу, чтобы наша страна сохранила народную власть, и не хочу, чтобы те жертвы, которые случились... — Новый приступ кашля прервал его слова. — Мать рождает дитя в муках, и наш

народ выстрадал свое право строить справедливое государство. Здесь об этом. Почитайте и, если сможете, отправьте Сталину. Он поймет. Он мудрый человек.

— Хорошо, почитаю. Не думаю, что у товарища Сталина будет время читать ваши мысли, но я подумаю, кому отправить. Только прежде сам прочту. Отведите его в лазарет! — приказал Ковригин.

— Не надо, — махнул рукой Алексей, но вновь захлебнулся в кашле.

— Отставить разговоры, исполнять приказ!

Фельдшер Ксения

(Август 1940 года)

Алексея проводили в медпункт, который разместился в отдельно стоящем доме. Сразу же с порога в нос ударил запах медикаментов.

— Ксения Петровна! — позвал сопровождающий. — Я по распоряжению товарища Ковригина привел вам больного человека.

Из комнаты в коридор вышла совсем юная девушка.

— Проходите, дедушка, — позвала она и вновь зашла в комнату. — Что вас беспокоит?

— Тебя Ксенией зовут?

— Да, в честь бабушки моей. Вам кого-то напомнило мое имя?

— Для меня это имя звучит как молитва, — глубоко вздохнул Алексей.

— Интересно сказали. Так что вас беспокоит, что болит?

— Эх, милая девушка Ксения, что может болеть у человека, который прожил жизнь и будто не жил вовсе?

— Так не бывает. Давайте я заполню на вас карточку, так положено, а вы как раз успокоитесь, и потом мы поговорим о вашем здоровье. Как вас зовут? Присядьте вот на этот стул, — фельдшер показала на стул около стола.

— Алексей Павлович Левашов я.

— Сколько вам лет?

— Родился в 1890 году в Москве.

— Вам всего пятьдесят лет?

— Мне много лет, потому что каждый год... — Алексей закашлялся и скоро сплюнул сукровицу в тряпочку, которая служила ему платком.

— Снимите рубаху, я вас послушаю! У вас же воспаление легких! Снимите рубаху.

Алексей расстегнул рубаху.

— Что это?! — вскрикнула Ксения, увидев глубокие и кривые рубцы на его груди.

— Война. Это война, Ксюша. Ты мне дай какую-нибудь пилюльку, чтобы мне силы хватило до дома добраться.

— Вам нужно срочно в Новосибирск. В прошлом году открылась областная больница, и у них есть рентген. Вам срочно нужна госпитализация!

— Значит, пилюли у тебя нет. Но ничего, я все равно доберусь до дома.

— Кто у вас дома? Жена, дети?

— Жена, моя Ксюша, и младенец. — Алексей встал, чтобы идти.

— Все-таки вы зря так к себе относитесь. Подождите, это неправильно! — Ксения попыталась остановить его. — И что, вы так возьмете и уйдете умирать?

— Нет. — Он оперся о дверной косяк. — Скажу тебе то, о чем теперь все время думаю: держись людей! Я сейчас пытался это сказать на правлении, но, видимо, не получилось. Самое важное, что есть у человека, — это люди, которые вокруг и рядом. И какое счастье — видеть их около себя каждый день! Здороваться с ними, разговаривать, даже спорить или ссориться — это самый дорогой дар, общение. Береги его. Ничего нет страшнее пустой жизни, а наполнить ее смыслом могут только люди.

— А я хочу замуж, и чтобы у меня была семья: муж и дети. И мне кажется, что это и есть счастье — семья, в которой любовь и дружба. У меня есть жених, и я надеюсь, что он скоро сделает мне предложение, и тогда мне не нужен будет никто на свете, только он и мои будущие дети. Сначала семья, а потом уже люди.

— Счастья тебе, дочка! Счастья тебе, Ксюша! Мы думали так же, когда прятались на Счастливой горе. Но укрывшись от людей, счастья не найдешь. Конечно, семья — это самое главное, это твоя маленькая страна, твой мир. А я хотел сказать, что твой мир, твоя семья может жить только в мире людей, в мире таких же счастливых семей. Если бы мы с моей Ксюшей жили среди людей, с нами не случилось бы беды. Но она мертва, да и я уже мертв.

— Алексей Павлович, — шагнула к Алексею Ксения, взяла его руку, — услышьте меня. Если вы не начнете срочно лечиться, вы действительно умрете. Надо ехать в Новосибирск, здесь вам никто не поможет.

— Ксюша, милая девочка, я не боюсь смерти. Я слишком много...

— Алексей Павлович! Вот порошок, это глюкоза, может, она поможет, даст силы, и вы дойдете до дома. Выпейте, вот вода. — Она подала стакан.

Алексей высыпал сладкий порошок в рот, запил водой.

— Я сейчас же доложу товарищу Ковригину, что вы отказались от госпитализации!

— Спасибо, Ксюша. Спасибо. Будь счастлива. — И вышел вон.

Капля

(Август 1940 года)

Алексей возвращался на заимку с одной лишь мыслью — дойти и не потерять сознание. Приступы кашля все чаще останавливали его, он харкал тягучей сукровицей, а потом уже на ходу плевался солоноватой кровью.

К этому дню он готовился загодя: заложил вход в грот камнями, оставил только лаз, который легко было заткнуть изнутри. Он запалил

факел, поджег от него дом и навес, потом проник в грот, закрепил факел на стене, закупорил вход. Все было продумано.

Он лег на каменный пол. Факел щелкал и брызгал смолой, коптил, но светил ярко. Алексей смотрел в потолок, на черные сталактиты — пещерные каменные сосульки. Прямо над собой он увидел одну, с висящей на самом кончике каплей воды. Он улыбнулся, и вдруг ему стало легче, саднящая в груди боль прошла, голова прояснилась, зрение обострилось, в теле появилась легкость, он даже хотел встать, но не смог, потому что умер.

Заимка горела адским пламенем, но скоро дом рухнул, как подкошенный, и только сизый дым вился над пепелищем еще сутки, затирая серым пеплом каждую щелочку, всякий намек на вход в склеп, чтобы навечно закрыть своим мертвым телом историю любви, историю жизни, историю судьбы.

